

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 2 (6385) 2016

ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарами в 985 году («Повесть временных лет»)

Худ. Рафаэль Кадыров. «Под тенью плакучих ив»

Жизнь моя
песней
звенела...

с.2-8

Тропами
военных
лет

с.13

Крылатая молодость
с. 15

Под слоем
ярких
красок

с.12

Они были
первыми

с.9

Муса Джалиль

ПЕСНЯ РУЧЬЯ

Ручей поет, струится под горой,
В густой осоке исчезая вдруг.
Звонящей песней, сладостной водой
Поит он всё живущее вокруг.

Земля цветет, испив его воды,
Купаются в нем ветки ивняка.

И соловьи поют на все лады —
Их окрыляет песня родника...

И я хотел бы
Жизненный свой путь
Со звонкой песней, как ручей, пройти,
Земли родимой орошая грудь,
Сердцам давая силу расцвести!

1938
Перевод Г.Пагирева

МОСКВА

В полномочном представительстве Республики Татарстан в Российской Федерации прошел показ документального фильма «Вера». В просмотре и обсуждении картины принял участие Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов. Фильм снят московской кинокомпанией «Вианж Продакшн» при поддержке Полномочного представительства РТ в РФ. Это проект о самом сокровенном и глубоком чувстве, которое помогает каждому человеку жить и двигаться дальше. Героями фильма стали люди, которые вносят большой вклад в различные сферы деятельности нашей страны. Это Минтимер Шаймиев – первый Президент Республики Татарстан, Ильяс Дауди – Герой России, участник Афганской войны, Рустем Гильмутдинов – член русского географического общества, Ринат Саитгареев – профессор, врач-трансплантолог, на счету которого около 200 пересаженных сердец.

Открывая мероприятие, заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин подчеркнул: «Герои фильма «Вера» доказывают, что мы можем и должны жить в мире и согласии...».

После просмотра Рустам Минниханов отметил, что сегодня таких фильмов должно быть больше. Их героями должны быть труженики заводов, люди, работающие на селе, военные, сотрудники правоохранительных органов, испытатели, представители творческой интеллигенции, духовенства и спортсмены.

***

В Институте востоковедения Российской академии наук состоялось торжественное собрание-симпозиум, посвященный 90-летию лауреата Нобелевской премии по физике 1979 года профессора Абдус Салама. Еще при жизни он был избран членом 50 национальных академий и ведущих научных ассоциаций мира. С докладом на симпозиуме о великом пакистанском ученом выступил востоковед и дипломат Юлдуз Халиуллин. Профессор МГИМО Абдулхан Ахтамзян отметил, что активная научная и организаторская деятельность Абдус Салама – лучшее свидетельство интернационального характера научного прогресса на благо всех цивилизаций мира. В адрес участников симпозиума свое видеообращение из Лондона направил старший сын нобелевского лауреата Ахмад Салам. Он выразил огромную благодарность московским ученым за проведение торжественного собрания в память его отца, который высоко ценил успехи российской науки и поддерживал тесные связи со многими видными учеными, приглашая их в свой Научный центр в Триесте.

***

Первую премию на VI Международном конкурсе баянистов и аккордеонистов, прошедшем в Москве, получил молодой музыкант из Татарстана Айдар Салахов.

Конкурс по традиции прошел в концертном зале РАМ им. Гнесиных. На протяжении многих лет он собирает в Москве большое количество поклонников баяна, педагогов, студентов со всех уголков России и зарубежья. Айдар Салахов родился в семье музыкантов, и уже в два года начал осваивать баян. Учился в музыкальной школе имени Э. Бакирова в Елабуге, потом поступил в Московский государственный музыкальный колледж имени А.Г. Шнитке. Сейчас Айдар завершает учебу в Российской академии музыки имени Гнесиных, в классе народного артиста России, профессора Фридриха Липса.

***

В библиотеке Татарского культурного центра Москвы прошел творческий вечер писателя и журналиста Назифы Каримовой. Теплые слова в адрес творчества Назифы ханум высказали композитор Сайяр Хабибуллин, певица Наиля Фатехова, ветеран Татарского культурного центра Нурзида Чанышева. Историк Марат Сафаров похвалил татарский язык Назифы, назвав его «эталонным литературного языка». С пожеланиями дальнейших творческих успехов выступили Мухаммат Миначев, Марс Гарипов и поэт Ахмет Саттар. Назифа Каримова прочла свои новые стихи. Не шаблонно и живо вела вечер заведующая библиотекой Зульфия Хабибуллаева.

ЕКАТЕРИНБУРГ

Научно-образовательный центр Института Каюма Насыри распахнул свои двери на Урале. Эта структура аналогична с Институтом Юнуса Эмре в Турции, Гете в Германии и Сервантеса в Испании, которые занимаются пропагандой и популяризацией языков и культур за пределами своей страны. Научно-образовательные центры Института Каюма Насыри открыты в Москве, Санкт-Петербурге, Бишкеке, Астане. В Екатеринбурге методистом центра назначена учительница татарской воскресной школы Динария Алетдинова. Занятия бесплатных курсов по изучению татарского языка в образовательно-культурном центре Института Каюма Насыри проходят в здании постоянного представительства Республики Татарстан. Курсы будут проходить 2 раза в неделю в течение 3 месяцев. По окончании курсов выдается сертификат КФУ с указанием уровня владения татарским языком.

***

Отчетный концерт образцового ансамбля татарского и башкирского фольклора «Кугарчен» прошел в Екатеринбурге. В концерте приняли участие и самые маленькие артисты, но не менее талантливые, чем старшие ребята ансамбля. Зал был полон восторженной публики, которая тепло приветствовала каждый номер. Ансамблю «Кугарчен» в этом году исполняется 25 лет. За это

время воспитано несколько поколений детей. Коллектив стал лауреатом международных, всероссийских, региональных фестивалей. Выступления ансамбля украшают почти все крупные мероприятия Свердловской области. Все 25 лет ансамблем руководит Раеля Ибрагимова. Второй год уже работает с ребятами хореограф – Фидалия Шарифуллина. Сегодня в ансамбле занимаются 37 человек, в том числе 13 малышей.

ТЮМЕНЬ

Региональный этап Всероссийской олимпиады школьников по дисциплине «Татарский язык и литература» прошел в Тюменской области. На состязание приехали 33 ученика из городских и сельских школ области. Организаторы олимпиады подготовили для ребят обширную культурную программу: мастер-классы игры на народных инструментах и выступления мастеров искусств. Первое место среди учеников 9-го класса одержала Йолдос Ибрагимова, среди десятиклассников – Айгуль Ниязова, а среди одиннадцатиклассников - Чулпан Мирхалилова. Ребята получили соответствующие сертификаты, а учителя - новые книги и пособия по изучению татарского языка.

КАЗАНЬ

В залах выставочного центра «Эрмитаж Казань» открылась выставка «ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН ФАДЛАНА: ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ ОТ БАГДАДА ДО БУЛГАРА», посвященная знаменитому арабскому дипломату X века Ахмеду Ибн Фадлану. На выставке представлены экспонаты из коллекций Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея (Москва), Фонда Марджани (Москва), Государственного музея Востока (Москва) и других музеев. Проект является третьим в серии выставок, объединенных общей темой – древними и средневековыми путешествиями с Востока на Запад. Посольство, в котором принимал участие Ахмад ибн Фадлан, сыграло посредническую роль между миром арабской цивилизации и народами Восточной Европы в первой четверти X в., в эпоху становления средневековых государств. Задача выставки – на примере уникальных предметов показать мир эпохи Ибн Фадлана, рассказать о культуре народов этого времени, показать развитие во времени, торговли, культурных взаимодействий государств домонгольской эпохи. На выставке представлены уникальные образцы декоративно-прикладного искусства, предметы из погребений и кладов.

28 ФЕВРАЛЯ 2016 г. ПЯТНИЦА в 18.00

ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ!!!

НАЦИОНАЛЬНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ

Большой эстрадный концерт и церемония вручения лучшим артистам татарской эстрады III Национальной музыкальной премии "БОЛГАР РАДИОСЫ"!

6+

САМЫЕ ЛУЧШИЕ, САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ, САМЫЕ ТАЛАНТЛИВЫЕ, САМЫЕ ЛЮБИМЫЕ ТАТАРСКИЕ АРТИСТЫ И ВЕДУЩИЕ

Хания Фархи, Зайнаб Фархетдинова и Зуфар Билалов, Гузель Урапова и Ильдар Хакимов, Филлюс Кагиров, Ришат Тухватуллин, Редик Юльямши, Марсель Вагизов, Фирдус Тямеев, Данир Сабиров, Ильхам Валеев, дуэт Марат Артур, Жавит и Зульфия Шекирова, гр. «Незан Егеларев», Алсу Абульханова, Гульсиреня Абдуллина, Разиль Камапов и Рафина Ганнуллина, АЛСУ, Камилла Ларин, гр. «Шурале», Татарский государственный ансамбль лески и таца РТ, оркестр Казанской государственной консерватории "Татаргаз" и другие...

Память

Ушел из жизни заслуженный тренер России **Бядут Абдулович Сейфулин**. Больше 60 лет он отдал служению спорту, воспитал целую плеяду выдающихся борцов. За годы тренерской работы в организациях добровольных спортивных обществ (ДСО) профсоюзов по греко-римской борьбе под его руководством прошли подготовку многие борцы СССР и России. Среди его учеников чемпионы Олимпийских игр, Мира, Европы, Всемирных студенческих университетов, победители международных турниров: Ш.Хисамутдинов, А.Шумаков, С.Налбондян, В.Ивлев, Г.Корбан и другие. Выйдя на пенсию, Бядут Сейфулин много времени стал уделять общественной работе по развитию греко-римской и татарской национальной борьбы на поясах. Принципиально и честно организовывал и судил турниры памяти Олимпийского чемпиона Ш.Сафина, турниры по татарской борьбе на Сабантуях в Москве, Московской области и других российских регионах. Энергия и любовь Бядута Сейфулина к татарским народным традициям сыграли решающую роль в возрождении национальной борьбы. Ученики тренера вышли на мировую арену по борьбе на поясах – появились чемпионы мира и Европы. Светлая память о талантливом тренере, добром и светлом человеке сохранится в наших сердцах.

Полномочное представительство Республики Татарстан и редакционный совет федеральной просветительской газеты «Татарский мир» разделяют горечь невосполнимой утраты с родными, близкими и учениками Бядота Абдуловича.

ЕСЛИ НЕТ ТЕБЯ...

Пусть неистово ликуют
соловьи в саду весной,
Мир мне кажется унылым,
если нет тебя со мной!

Пусть шумят леса и травы,
буйно яблоня цветет,
Если нет моей любимой -
горек самый сладкий плод!

Пусть летают и резвятся
бабочки среди полей -
Грустно, если нет красивой,
легкой бабочки моей!

Даже ангелы и пери
для меня толпа теней -
Если нет со мной прекрасной
и единственной моей!

1920 г.

СЛЕД

Пламя жадно полыхает.
Сожжено дотла село.
Детский трупик у дороги
Черным пеплом занесло.
И солдат глядит, и скупое
Катится его слеза,
Поднял девочку, целует
Несмотрящие глаза.
Вот он выпрямился тихо,
Тронул орден на груди,
Стиснул зубы: - Ладно, сволочь!
Все припомним, погоди!
И по следу крови детской,
Сквозь туманы и снега
Он уносит гнев народа,
Он спешит догнать врага.

1942 г.

ПЛАТОЧЕК

Простились мы, и с вышитой каймою
Платок родные руки дали мне.
Подарок милой! Он всегда со мною.
Ведь им закрыл я рану на войне.

Окрасился платочек теплой кровью,
Поведав мне о чем-то о родном.
Как будто наклонилась к изголовью
Моя подруга в поле под огнем.

Перед врагом колен не преклонял я,
Не отступил в сраженьях ни на пядь.
О том, как наше счастье отстоял я,
Платочек этот вправе рассказать.

Июль 1942 г.

ЗВОНОК

Однажды на крыльце особняка
Стоял мальчишка возле самой двери,
А дотянуться пальцем до звонка
Никак не мог - и явно был растерян.

Я подошел и говорю ему:
«Что, мальчик, плохо? Не хватает роста?..
Ну, так и быть, я за тебя нажму.
Один звонок или два? Мне это просто».

«Нет, пять!» Пять раз нажал я кнопку.
А мальчик мне: «Ну, дяденька, айда!
Бежим! Хоть ты большой смельчак, а трепку
Таковую нам хозяин даст - беда!»

Декабрь 1942 г.

Муса Джалиль

МОИ ПЕСНИ

Песни, в душе я взрастил ваши всходы,
Ныне в отчизне цветите в тепле.
Сколько дано вам огня и свободы,
Столько дано вам прожить на земле!

Вам я поверил свое вдохновенье,
Жаркие чувства и слез чистоту.
Если умрете - умру я в забвенье,
Будете жить - с вами жизнь обрету.

В песне зажег я огонь, исполняя
Сердца приказ и народа приказ.
Друга лелеяла песня простая.
Песня - врага побеждала не раз.

Низкие радости, мелкое счастье
Я отвергаю, над ними смеюсь.
Песня исполнена правды и страсти -
Тем, для чего я живу и борюсь.

Сердце с последним дыханием жизни
Выполнит твердую клятву свою:
Песни всегда посвящал я отчизне,
Ныне отчизне я жизнь отдаю.

Пел я, весеннюю свежесть почую,
Пел я, вступая за родину в бой.
Вот и последнюю песню пишу я,
Видя топор палача над собой.

Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит!
26 ноября 1943 г.

КРАСНАЯ РОМАШКА

Луч поляну осветил
И ромашки разбудил:
Улыбнулись, потянулись,
Меж собой переглянулись.

Ветерок их приласкал,
Лепестки заколыхал,
Их заря умыла чистой
Свежею росой душистой.

Так качаются они,
Наслаждаются они.
Вдруг ромашки встрепетнулись,
Все к подружке повернулись.

Эта девочка была
Не как все цветы бела:
Все ромашки, как ромашки,
Носят белые рубашки.

Все - как снег, она одна,
Словно кровь, была красна.
Вся поляна к ней теснилась:
- Почему ты изменилась?

- Где взяла ты этот цвет? -
А подружка им в ответ:
- Вот какое вышло дело.
Ночью битва здесь кипела,

И плечо в плечо со мной
Тут лежал боец-герой.
Он с врагами стал сражаться,
Он один, а их пятнадцать.

Он их бил, не отступил,
Только утром ранен был.
Кровь из раны заструилась,
Я в крови его умылась.

Он ушел, его здесь нет -
Мне одной встречать рассвет.
И теперь, по нем горя,
Как Чулпан-звезда горю я.

Июль 1942 г.

ДРУГУ

А.А. (Абдулле Алишу_ ред.)

Не огорчайся, друг, что рано умираем,
Мы жизнью купленной не согласились жить.
Иль не по-своему мы наши дни прожили
И не по-своему хотим их завершить?

И разве мерится длина прожитой жизни
Приходом старости, числом ушедших лет?
Быть может, эта смерть, нависшая над нами,
Подарит нам бессмертья вечный свет?

Поклялся я, что жизнь в бою не пожалею,
Чтоб защитить народ, чтоб Родину спасти,
И разве ты, мой друг, имея сотню жизней,
Их все не отдал бы на этом же пути?

Как сердцу радостно при каждой новой весте,
Что продолжаем мы врагов на фронте бить,
И сколько силы в том, чтоб даже на чужбине
Одними чувствами с родным народом жить!

А если злую смерть я подкупить сумею
И шкуру сберегу, но стану подлецом,
Проклятым каином Отчизна-мать с презреньем
Пусть назовет меня -и плюнет мне в лицо.

Не стану никогда желать такого «счастья»,
Всем сердцем чувствую: страшнее нет беды.
Что стоит человек, отвергнутый Отчизной?
Ему на всей земле нет и глотка воды!

Нет, не печалься, друг, что гибнут наши жизни,
Пред жизнью Родины лишь искорки они,
И пусть погаснем мы, от гордой смерти нашей
Ее грядущие светлее станут дни.

Любовь к родной стране, и мужество, и верность
Геройской гибелью мы доказать должны, -
Скажи, не этими ли чувствами святыми
Мы с юности сильны, мы до сих пор полны?

Пусть оборвется жизнь, не думай, что бесследно
Угаснут наши дни, достойно гибель встретить,
Чтоб, услышав про нас, сказали молодые:
Так надо жить, так надо умереть!

Октябрь 1943 г.

НЕ ВЕРЬ!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал он, упал», -
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать,
Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал», -
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне своей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый?», -
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля, -
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто тебя мертвым
Посмеет назвать, если был ты борцом!

20 ноября 1943 г.

Константин СИМОНОВ, русский советский поэт

СОСЕД ПО КАМЕРЕ

В начале сентября 1956 года на Международном поэтическом фестивале в маленьком бельгийском курортном городке Кнокке мне довелось в качестве члена советской писательской делегации прочесть с трибуны фестиваля письмо вдовы Мусы Джалиля. В этом письме она рассказывала о благородном поступке находившегося в фашистской тюрьме в Берлине вместе с Мусой Джалилем бельгийского патриота Андре Тиммерманса, спасшего для литературы рукопись тюремных стихов этого замечательного татарского поэта, и передавала в дар бельгийским поэтам, соотечественникам Тиммерманса, книги стихов Джалиля.

Через два дня после окончания фестиваля я встретился с известным бельгийским поэтом, членом Бельгийской Академии наук Роже Водаром и попросил его помочь мне в розысках Андре Тиммерманса.

Об Андре Тиммермансе было известно немного: то, что он сидел в немецкой тюрьме в Берлине в 1944 году, то, что он после войны передал тетрадь стихов Джалиля советским людям, и то, что его фамилия распространена в Бельгии так же, как у нас распространены фамилии Петров или Кузнецов.

С некоторым сомнением в успехе розысков, подчеркнув это последнее обстоятельство, Роже Бодар однако сказал, что он сделает все возможное, чтобы разыскать Андре Тиммерманса. Через два дня после этой встречи я получил через наше посольство в Бельгии любезное письмо от одного из сотрудников бельгийского министерства иностранных дел М. Р. Харреманса, который сообщал мне, что, по просьбе Роже Бодара, он навел справки и предполагает, что тем Тиммермансом, которого я разыскиваю, может оказаться Андре Тиммерманс, бельгиец, родившийся 5 декабря 1917 года во Франции, арестованный гестапо в 1942 году и заключенный в одну из берлинских тюрем. Пять лет назад этот Андре Тиммерманс жил в Бельгии в городе Тирлемоне, на улице Виктор Бодуэн, дом номер 51. В заключение господин Харреманс выражал надежду, что мои поиски окажутся успешными.

С чувством благодарности к нему и к Роже Бодару, поспешившим прийти мне на помощь, я на следующее же утро выехал в город Тирлемон, в сорока с небольшим километрах от Брюсселя. Поколесив некоторое время по узким улочкам старинного маленького городка, мы разыскали дом номер 51 по улице Виктор Бодуэн.

Домик был небольшой, двухэтажный. Единственная дверь вела в винный магазинчик с бутылками на окнах и узкой деревянной стойкой.

Мы вошли и увидели за стойкой миловидную женщину, в ответ на наш вопрос сказавшую, что Андре Тиммерманс живет здесь, что это ее муж, что он пошел погулять с детьми ее сестры и с минуты на минуту вернется.

Не прошло и нескольких минут, как Тиммерманс действительно вернулся. Мы сказали ему о цели своего приезда и по первым же его словам поняли, что это был тот самый Андре Тиммерманс - он сидел в тюрьме с Мусой Джалилем, знал его и готов был рассказать о нем все, что сохранилось в памяти.

Мы прошли вместе с Тиммермансом в заднюю комнату, за магазинчиком, я достал блокнот и по старой журналистской привычке почти стенографически быстро, стараясь не пропустить ни слова, стал записывать подряд все, что в ответ на мои вопросы вспоминал о Мусе Джалиле Тиммерманс.

Жизнь Мусы Джалиля принадлежит истории нашей литературы. Волнение, которое я испытывал, слушая рассказ о последних месяцах его героической жизни, понятно каждому. Но я думаю, читателю гораздо дороже, чем мое волнение и мои ощущения, сами факты. В них вся суть, потому что они и есть история. Поэтому мне кажется правильной, без литературных прикрас и отступлений, просто-напросто познакомить читателей с теми ответами, которые Андре Тиммерманс мне дал на мои вопросы о Мусе Джалиле. Я их приведу именно в таком виде, в каком они были мною записаны во время нашего разговора. Больше того, я дам их именно в той последовательности, в какой они были записаны. Мне кажется, тогда перед глазами читателя весь этот разговор предстанет в более живой и непосредственной форме.

***

- Когда вы познакомились с Мусой Джалилем?

Тиммерманс: Я познакомился с Джалилем в конце 1943 или, пожалуй, в самом начале 1944 года. Это было в Берлине, в тюрьме на Лертерштрассе.

- Джалиль оказался в тюрьме раньше или позже вас?

- Джалиль уже был в камере, когда меня туда привели немцы. Он сидел там вдвоем с одним немецким солдатом польского происхождения, родом из Силезии. Этот солдат уходил на целые дни из камеры, он работал на кухне в какой-то другой тюрьме, и его утром вводили туда, а вечером приводили оттуда, поэтому я по целым дням бывал вдвоем с Джалилем.

- Как вы объяснялись с Джалилем?

- Это было очень трудно, потому что я знал французский и немного немецкий, а Муса Джалиль знал только русский и татарский, но нам хотелось говорить друг с другом, и мы старались это делать. В нашу тюрьму приходила газета «Фелькишер беобахтер», которую раздавали заключенным. У этой газеты были довольно широкие поля. Мы обрезали их и, скрепив, делали из них узенькие тетради. Я и Джалиль рисовали на этих тетрадях разные предметы и каждый раз говорили друг другу, как этот предмет называется: Джалиль - по-русски, а я - по-французски, и оба заучивали эти слова. То есть тетради мы делали не сразу, а сначала рисовали и записывали слова на отдельных листочках, а потом уже переписывали их с переводом в тетради. Эти тетради пропали у меня потом, когда немцы переводили меня в другую тюрьму.

Джалиль записывал мне перевод слов по-русски латинским шрифтом, чтобы я мог их легче читать. Труднее всего было с отвлеченными понятиями, но тут по вечерам, когда он возвращался с работы, нам помогала поляка. Поляк говорил с Джалилем по-польски, они немножко понимали друг друга, а потом поляк старался объяснить мне это по-немецки. Я, как вам уже сказал, немножко понимаю немецкий. Таким образом, мы при помощи польского и немецкого языков переводили отвлеченные понятия с русского на французский и наоборот.

- Сколько времени вы находились в одной камере с Джалилем?

- Не могу точно сказать, кажется, несколько месяцев. Тюремные дни похожи друг на друга, трудно точно сказать, сколько их было.

- Были в этой тюрьме другие советские люди, кроме Джалиля?

- Тюрьма была большая, я не мог знать всех заключенных, но в двух соседних с нами камерах - слева и справа - сидело еще двое татар. Одного звали Абдулла Булатов, а другого Алишев. Этот Алишев, кажется, если мне не изменяет память, раньше, до войны, писал сказки для детей. Мне об этом рассказывал Муса Джалиль. Вместе с этими татарами в каждой камере сидело по бельгийцу. Эти бельгийцы были мои знакомые, они были оба арестованы в один день со мной, по тому же делу, что и я. Мне хотелось как-нибудь связаться с ними, а Джалилю - со своими товарищами татарами. Мы хотели пробить хоть небольшие отверстия в стенах, чтобы просовывать записки, но у нас не было для этого инструмента.

В нашей тюрьме заключенным, если они просили об этом, иногда давали работу и инструменты для работы. Мы с Джалилем попросили дать нам работу, надеясь получить при этом какой-нибудь инструмент, которым можно ковырять стену. Наши надежды оправдались, нам приказывали вырезать пазы на деревянных круглых крышках (не знаю, для чего и куда шла эта деталь). Для работы нам дали несколько инструментов, в том числе небольшую стамеску. Этой стамеской мы и стали ковырять стену.

Сначала мы стали долбить стену, отделявшую нас от камеры, где сидел Булатов. Возле этой стены стояла тюремная параша на трех деревянных ножках. Одна из ножек почти вплотную подходила к стене и прикрывала кусок ее. Именно там, за этой ножкой, мы и стали ковырять стену так, чтобы дырка оставалась незаметной. Нам повезло - с самого начала мы попали в щель между двумя кирпичами: стена была толстая, в полметра; мы долбили ее много дней, не помню сколько. Уходя на прогулку, мы с Джалилем каждый раз выносили по горсти щебня и понемножку, незаметно высыпали его на землю на тюремном дворе. Наконец, мы пробили узкую щель и с этого дня стали разговаривать - я со своим товарищем-бельгийцем, а Джалиль с Булатовым.

Через несколько дней после того, как мы продолжили отверстие в одну камеру, немножко отдохнув, мы начали долбить отверстие в другую. На этой стене находилось отопление, и хотя нам было очень неудобно работать, но мы все-таки старались пробить дырку за трубами отопления, чтобы ее не было видно. Нам показалось с Джалилем, что вторая стена тверже, чем первая, а может быть мы просто устали. Джалиль говорил мне, что ему очень хочется поговорить с Алишевым, сидевшим за этой стеной, но довести дело до конца нам так и не удалось. Однажды за Джалилем пришли конвоиры и увезли его в Дрезден, на суд.

- В этот день вы в последний раз виделись с Джалилем? Он уже не вернулся в тюрьму?

- Да, он больше не вернулся туда, но я его видел еще один раз потом, в тюрьме в Шпандау. Тюрьма, где мы сидели, вообще была гражданская, но одно крыло - наше - было отведено под военную тюрьму для подсудимых. Татары, которые сидели в соседних камерах, тоже были отправлены на суд в Дрезден. Джалиль говорил мне, что они сидят по одному делу с ним.

- А как и когда вы встретились с Джалилем в тюрьме в Шпандау?

- Не могу сейчас вспомнить точно, но, кажется, что в августе 1944 года, в связи с покушением на Гитлера все политические заключенные были изъяты из берлинской тюрьмы, где мы сидели, и переведены в Шпандау. Через несколько дней после того, как я очутился в Шпандау, утром, во время прогулки по тюремному двору, я услышал чей-то голос, кто-то привлекал мое внимание, шепотом говоря: «Пет... пет...» Я долго озирался, но никого не заметил. Через день, на прогулке, я снова услышал этот звук. Окна нижнего этажа тюрьмы были расположены сравнительно невысоко, они открывались внутрь, оставляя узкую щель. И вот я вдруг увидел в такой щели голову Джалиля, верней, не всю голову, а только часть лица, потому что щель была очень узкая. Я продолжал ходить по кругу - останавливаться было нельзя. Сделав круг, я снова поравнялся с этим окном и, нагнувшись, сделал вид, что завязываю шнурок на ботинке. Я стоял наклонившись и не видел в то мгновение Джалиля, но слышал его голос, он сказал мне шепотом по-немецки, что суд состоялся и что ему отрубят голову.

- И это была ваша последняя встреча с Джалилем?

- Нет, мне очень хотелось поговорить и поговорить с ним, и я стал узнавать через товарищей, в какой день заключенные того крыла, где находился Джалиль, ходят в душ. В это время тюрьма была перегружена после покушения на Гитлера, и в ней царил беспорядок. Хотя я сидел в другом крыле, но мне удалось попасть в тюремный душ в тот день и час, когда там мылись заключенные из другого крыла. Там я увидел Джалиля и, пока мы стояли рядом и мылись, десять минут говорил с ним. Джалиль сказал мне, что он и все его товарищи татары приговорены к смертной казни.

- А о чем вы еще говорили с Джалилем?

- Больше ни о чем. Хотя мы были рядом с ним десять минут, но говорить было почти невозможно, кругом были люди, нам мешали.

- Джалиль сказал вам о себе и своих товарищах татарах; очевидно, по тому процессу, по которому их приговорили к смертной казни, сидели именно татары?

- Да, я думаю, что по этому процессу все осужденные были татары, я не слышал от Джалиля ни о ком другом.

- А после этого свидания в тюремной бане вы уже не видели Джалиля?

- Нет. Через несколько дней я был переведен в лагерь Луккау.

- А когда Джалиль передал вам свою тетрадь, которую вы сохранили?

- Это было примерно за полмесяца до того, как его отправили на суд в Дрезден. Он передал мне маленькую тетрадку, сделанную из почтовой бумаги, которая продавалась в тюремной лавочке.

- Почему он передал вам ее именно тогда? Он уже тогда ждал, что его казнят?

- Да, он уже задолго до суда был уверен, что его казнят. Он несколько раз совершенно спокойно говорил мне о том, что у него нет ни малейших сомнений на этот счет. В тот день, когда он мне передал тетрадь, Джалиль вызывали к начальнику тюрьмы. Точно не знаю зачем, но, кажется, требовали подписать какую-то бумагу. Когда он вернулся из тюремной конторы, он подошел ко мне, дал мне тетрадь и попросил, если я останусь жив и вернусь домой, сохранить ее и передать после войны в советское консульство в той стране, где я окажусь.

- Как вам удалось сохранить и передать тетрадь?

- Когда меня переводили в Шпандау, я взял ее с со-

бой - спрятал в одежде, а когда мне объявили мой новый приговор - пять лет каторги, то на следующий день после приговора я, как и все другие, должен был пойти в тюремную контору и сдать все лишнее. Мы уже были не подсудимые, и нам запрещалось иметь лишние вещи. Например, у меня было две пары носков, я должен был оставить только одну, было две рубашки - оставалась только одна. Кроме того, у нас вообще забирали все мелочи. Я собрал вещи, которые мне нужно было сдавать, и засунул в них тетрадку Джалиля так, чтобы ее не сразу было видно, но чтобы в то же время и не было впечатления, что я ее спрятал специально. Вместе с ней я засунул молитвенник, который мне дал в берлинской тюрьме немецкий священник. В этом молитвеннике две первые страницы были исписаны стихами Джалиля, которые он написал мне в подарок.

Немцы начали составлять инвентарную опись вещей. Они увидели среди других вещей молитвенник и тетрадку и записали их тоже, спросив меня про тетрадь: «Что там такое?» Я сказал, что это мой дневник, а они сдуру, на мое счастье, не обратили внимания, что в тетрадке записи не на немецком и не на французском, а на другом языке. Впрочем, они спешили, они в тот день отправляли много людей.

Там же вместе с тетрадкой и молитвенником была еще и безопасная бритва и некоторые другие мелочи. Все это вместе с инвентарной записью, согласно заведенному порядку, немцы отправили домой, моей матери. Посылка с моими вещами, с молитвенником и тетрадкой Джалиля пришла к моей матери, и она хранила все это до моего возвращения домой после войны. Когда меня отправляли из тюрьмы в концлагерь, мне разрешили написать матери письмо. Я не мог написать ей прямо, но постарался дать понять, чтобы она, во что бы то ни стало, сохранила эту тетрадку и молитвенник.

Когда я вернулся, оказалось, что молитвенник пропал, не знаю, как это произошло, а тетрадь сохранилась, и я ее передал в советское посольство. Сам я не мог передать ее потому, что после концлагеря был долго болен, но я попросил одного своего товарища, который бывал в Брюсселе, свезти тетрадку в советское посольство. Он взял тетрадь и, вернувшись, сказал мне, что выполнил мое поручение.

- Вы не знаете, по какому делу находился в заключении Джалиль, в чем его обвиняли фашисты?

- Как принцип, в тюрьме никто не говорил другим о своих делах, боясь, что рядом с ним в камере могут оказаться люди, специально подсланные немцами. Но мы с Джалилем доверяли друг другу и разговаривали о своих делах. Однако, когда говоришь, дополняя слова жестами и еле-еле зная язык друг друга, то не всегда и не все понимаешь. Поэтому у меня, может быть, нет вполне точного представления о том, что мне рассказывал Джалиль. Передам вам лишь то, что я мог понять. Судя по разговорам Джалиля со мной и с Булатовым, с которым, по-моему, он говорил по-русски, потому что в их разговорах я кое-что понимал, - Джалиль, до того как попал в тюрьму, сидел в немецком концлагере. Туда, к ним в лагерь, пришел главный муфтий. Там, в лагере, было известно, что Джалиль - писатель, и муфтий требовал от него, чтобы Муса и несколько других татар написали обращение ко всем военнопленным татарам с призывом вступить в армию генерала Власова. Как я понял из слов Джалиля, они для вида согласились сделать это, но в то же время в подпольных листовках, которые они выпускали в лагере, написали все совершенно обратное и призвали татар не вступать в армию генерала Власова. Всего, как мне говорил Джалиль, в их подпольной организации, которая выпускала листовки, было двенадцать человек татар. Потом они привлекли еще одного - тринадцатого, и этот тринадцатый их выдал. Насколько я помню, они часто говорили об этом через стену с Булатовым.

Если бы я просидел еще два-три месяца вместе с Джалилем, я бы знал язык гораздо лучше и мог бы вам подробнее рассказать, за что казнили Джалиля и что случилось с татарами - его товарищами, а так могу рассказать только то, что понял, не могу даже поручиться за полную точность этого: все-таки и я, и он - мы оба очень плохо понимали друг друга.

- Скажите, как Джалиль писал свои стихи, те, что он передал вам?

- У нас было много свободного времени, я старался протянуть его, и каждый день утром брился подолгу, по целому часу, а то и больше. Пока я каждый день с утра брился, Муса обычно писал что-то на кусочках бумаги, оторванных от «Фелькишер беобахтер», писал, рвал и снова писал. Когда я кончал бриться, он переставал писать, и у нас начинался разговор при помощи рисунков. Так шло время до полудня. В полдень было то, что называлось нашим обедом. После обеда мы опять учили язык, а часа в четыре дня Джалиль снова начинал писать.

- Вы знали, что Муса Джалиль поэт?

- Да, я это узнал, хотя и не сразу. Когда я в первый раз пришел в камеру и спросил фамилию Джалиля, он сказал, что его зовут Гумеров, и я подумал: раз кончается на «ов», значит он русский. Потом мы стали объясняться рисунками. Однажды, когда мы уже стали немножко понимать друг друга, Джалиль заговорил о Гитлере и сказал, что в русском языке буква «Н» не произносится, по крайней мере, я так его понял, и я стал звать его не Гумеров, а Умеров, а потом заметил, что Умеров - это похоже на имя поэта Гомера, и вот тогда-то Джалиль и сказал, что он тоже поэт.

Чулпан Залилова (справа), А. Тиммерманс с супругой Марижан. Москва 1966 г.

- Тюремные надзиратели не мешали писать Джалилю?

- Нет. Сторожа в тюрьме не были профессиональными тюремщиками, это были военнообязанные старики, неплохие люди, спустя рукава выполнявшие свои обязанности. Мы в общем были предоставлены самим себе, и благодаря этому и Муса мог писать, и мы могли вместе с ним сверлить стену.

- Скажите, что вам говорил Муса о своих товарищах татарах?

- Когда мы увиделись в последний раз в тюремном душе, Муса сказал мне, что их приговорили к казни, всех тринадцати человек, включая выдавшего их предателя. Но я не знаю, все ли они были казнены, - это было уже потом, потому что, когда меня перевели в Луккау, Муса и остальные приговоренные к смерти татары оставались еще в Шпандау.

- Когда вам в первый раз сказал Джалиль о том, что его казнят? В тот день, когда его водили и требовали подписать какой-то документ?

- Да, в тот день, передавая мне тетрадь, он сказал, что его казнят. Но сказал он это уже не в первый раз. Он несколько раз говорил мне об этом и раньше. Он был уверен в этом, это было видно и по его тону, и по его жестам. Он был абсолютно уверен и абсолютно спокоен.

- Вы не можете вспомнить, о чем вы еще говорили с Мусой Джалилем?

- Ну, о чем говорят люди в тюрьме: нас мучил голод, поэтому мы иногда говорили о еде, рассказывали друг другу о том, что мы оба когда-то ели дома - я у себя в Бельгии, Джалиль - у себя в Татарии. Много говорили о своих семьях, родных. Я не убежден, что я все хорошо понимал, но мне кажется, что Джалиль говорил мне о том, что его отец был крестьянином, что одна из его сестер - инженер-химик, а другая... Кем была его другая сестра, я так и не понял, хотя он мне пытался это объяснить. Он много говорил о жене, и если я не путаю, то он говорил мне, что тетрадь, которую он мне отдал, предназначается жене. О чем бы он ни говорил, он был всегда очень спокоен и неизменно восхищал меня этим.

- Скажите, а когда последний раз вы видели Джалиля в тюремном душе, он не говорил с вами снова о своей тетрадке, о том, чтобы вы сохранили ее?

- Нет, он больше не напоминал мне об этом. Он один раз сказал мне и, наверное, верил, что я сделаю это, раз обещал. Я повторяю - он был очень спокойный и мужественный человек. Я не мог не выполнить его просьбы. Встаньте сами на мое место: мне передают тетрадь на незнакомом языке, я не могу ее прочесть, я не знаю, что в ней написано. Я знаю, что человек, который мне отдал свою тетрадь, - поэт. Я не знаю, какой он поэт, хороший или плохой, но я знаю, что он хороший человек, я его глубоко уважаю за его спокойствие и мужество, и раз такой человек - товарищ по камере - просит меня что-то сделать, то я знаю, что это надо сделать. Я думаю, что он мне при последнем свидании не напомнил о своей просьбе потому, что знал, что я сам помню о ней.

Тиммерманс достает еще одну папку, долго роется в ней и, наконец, находит тот самый инвентарный список вещей, о котором он вспоминал раньше, тот список вещей, который немцы переслали когда-то, в 1944 году, его родителям. Этот напечатанный на машинке, на немецком языке, аккуратный реестр из семи или восьми пунктов: бритва, носки, рубашка и четвертым или пятым пунктом стоит слово «бриф-таше» - почтовая сумка.

- Наверное, под этим пунктом и значился тот пакет, в который были завернуты молитвенник и тетрадь Джалиля, - говорит Тиммерманс.

* * *

Рассказ о Джалиле закончен. Тиммерманс несколько раз сам возвращается к тем или другим уже рассказанным им подробностям и напряженно пробует вспомнить, не забыл ли он чего-нибудь. Но нет, больше он ничего не может вспомнить. То, что он рассказал, все, что он знает.

Мне хочется хоть немножко подробнее услышать о жизни самого Тиммерманса. Вначале он говорил о себе кратко и неохотно и сразу перешел на рассказ о Джалиле, но теперь я снова возвращаюсь к своим вопросам, и Тиммерманс рассказывает о себе сдержанно, немногословно, но все-таки немножко подробнее, чем вначале.

В начале войны он работал клерком в конторе у судебного исполнителя. Его арестовали здесь, в этом самом городке Тирлемон, где он был одним из первых членов движения Сопротивления, когда движение это еще никак не называлось; потом его назвали «Фронтом независимости». У каждого из них - членов движения Сопротивления в Тирлемоне - была своя маленькая работа. У него было задание - составлять списки коллаборационистов, он на каждого из них заводил отдельный листок и вносил на этот листок все добытые им сведения об их сотрудничестве с фашистами. Кроме того, он старался добыть их фотографии. Постепенно в эту картотеку вносились все новые и новые данные. Он не держал эту картотеку у себя, она была спрятана у одной старой одинокой женщины, подруги его матери. Он иногда брал ее у этой женщины для того, чтобы внести туда новые сведения, и снова относил картотеку к ней. Между прочим, у этой женщины впоследствии мать Тиммерманса хранила и тетрадь Джалиля.

В конце сорок четвертого года, когда он сам уже третий год сидел в немецкой тюрьме, а Тирлемон был освобожден от фашистов, бельгийские патриоты получили у старушки эту картотеку, которую он вел в сорок втором году, и по ней смогли установить многих коллаборационистов. Таким образом, его работа не пропала даром. Кроме этой работы, он занимался еще распространением подпольной газеты. Его арестовали ночью, в постели, в один день с еще шестьюдесятью четырьмя человеками, в том числе с мужем его сестры. Их обвинили в помощи врагу и отправили в брюссельскую тюрьму. Мужа его сестры приговорили к смертной казни, а ему и его товарищам дали от трех до пяти лет. После этого его отправили в Вестфалию. Оттуда снова в Брюссель, а оттуда уже в Берлин, где он встретился с Мусой Джалилем. Потом их судили во второй раз и потребовали для всех смертной казни: за помощь врагу, за распространение антифашистской литературы и за составление списков лиц, лояльных к Третьему рейху. В итоге вместо первоначальных трех лет тюрьмы он получил пять лет каторги. Лагерь, где они сидели в последнее время, находился около Эльбы; к нему одновременно с обеих сторон подходили русские и американцы. Немецкая охрана бежала. Русские подошли к лагерю, и он несколько дней пробыл у них, был даже на медицинском осмотре.

После окончания войны он все время живет в Уирлемоне, женился, работает клерком в страховой конторе. Вот и все. Тиммермансу явно кажется, что он и так слишком много рассказывал о себе. Я говорю ему о его большой заслуге перед татарской, да и вообще перед всей советской литературой, для которой он спас последние произведения Мусы Джалиля, и рассказываю, что Муса Джалилю посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

- Он был очень спокойный и очень мужественный человек, я всегда уважал его, - уже в который раз с большой внутренней силой повторяет Тиммерманс.

Поднявшись, чтобы попрощаться, я еще раз говорю Тиммермансу, что мы глубоко благодарны ему. Неожиданно для меня он хмурится и делает протестующий жест.

- Я ведь не знал, что это за тетрадка, - говорит он без тени рисовки. - Я не знал, что это что-то особенное, я просто выполнил просьбу товарища. Я не хочу, чтобы вы думали, что я сам считаю, что я сделал что-то особенное. Если оказалось, что эта тетрадь такая важная, - очень хорошо, но мне этого нельзя ставить в заслугу, я этого не знал, я этому не придавал такого значения... Все это было очень просто, и такой же простой вещью осталось для меня и сейчас. Я уважал человека и сделал для него то, что мог сделать. Когда вы увидите вдову Мусы Джалиля, - добавляет он, - передайте ей, - я очень глубоко уважал ее мужа, очень глубоко. Непременно передайте это ей...

Мы прощаемся. Я выхожу на улицу и сажусь в машину. Машина трогается. У открытых дверей маленькой винной лавочки, прислонившись к притолоке, засунув руки в карманы, стоит высокий, немножко сутуловатый, неулыбчивый, сдержанный мужчина Андре Тиммерманс, человек долга, вместе со своей матерью и еще одной скромной старушкой - бельгийкой спасший для литературы «Моабитскую тетрадь» Мусы Джалиля.

Сибгат ХАКИМ, народный поэт Татарстана

Казань, центр татарской культуры, как магнитом притягивала, созывала поэтов из разных краев, из разных областей большого государства. Из тамбовских лесов, немало поколесив по стране, приезжает сюда бунтарь, романтический трибун Хади Такташ. Много лет проживший на Урале мудрый Хасан Туфан в Казань держал путь через мартены и домны. Впечатление от его известных «Уральских эскизов», с которыми он стремительно вошел в поэзию, можно сравнить разве что только с неистовством буйного, неожиданно налетевшего ветра — настолько молодой тогда еще поэт и раздольное, широкое дыхание Урала были спаяны, неразлучны, нераздельны. Намного спокойнее и вместе с тем радушно терпеливее этих двух был Муса Джалиль, пришедший в поэзию из дальних Оренбургских степей.

Три поэта, три темперамента, три разные индивидуальности, но все трое всегда составляли стержень татарской советской поэзии.

Я только вклинился в это поколение, был только задет им. Радужно-светлым было настроение, когда я впервые шагнул деревенским паренком по улицам Казани. И вдруг траурный марш. Почти вся Казань провожала в последний путь Такташа. Несли на кладбище гроб с телом того самого бурного Такташа, который дал миру поэму «Века и минуты», посвященную кончине Ленина, и который гремел, вызывая споры читателей, своими поэмами «Исповедь любви» и «Письма в будущее». Он сгорел всего тридцати лет от роду. Говорили, что при таком стечении народа хоронили лишь Тукая. Незабвенного Такташа чтут у нас в народе очень высоко. Вот так печально состоялась моя встреча с Такташем. Это был декабрь 1931 года...

Представители того большого, революцией рожденного, самоотверженного поколения Маяковских, Тихоновых, Багрицких, Светловых — Хасан Туфан, Адель Кутуй, Муса Джалиль увлекли, позвали меня за собой. И я буду вечно благодарен им за то, что они вывели меня на столбовую дорожку большой поэзии. Я обязан им всем своим творчеством...

Муса Джалиль... Сейчас это имя прозвучит рядом с почетными и такими прекрасными словами, как поэт-герой, лауреат Ленинской премии. Книги его издаются и распространяются сотысячными тиражами на татарском, русском языках, языках народов СССР и мира. Золотом высечены строки из его стихов на памятнике поэту, возвышающемуся у белокаменного Казанского кремля:

Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит,
Жизнь моя песней звенела в народе.
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

По-своему создали в своих сердцах читатели возвышенный образ поэта. Ныне рисуют его себе сказочным богатырем наподобие героев Сабантуя... Да, у читателя есть своя фантазия, вызванная стихами Джалиля, он хочет видеть

Он мечтал о весне

поэта по-своему, дает ему каждый раз в своей душе жизнь особенную. Это естественно. Это, пожалуй, и есть форма существования самого искусства.

А вот Муса, которого мы знали, был невысокого роста, скромный, неприметен... Я привык видеть его в постоянном движении. Он бывал удивительно остроумным и лукавым. В глазах постоянно поблескивала ртуть... В деревнях раньше были водяные мельницы. Если один мельник перекроет воду, запрудит русло, не идет вода в другую мельницу, не крутятся жернова. Бросают поэту в воды плотины ртуть втайне от того, кто запрудил воду. Серебристый металл ведь все равно где-нибудь да подточит запруду, вырвется вода, не застоится. И в глазах Мусы тоже та сокрушающая плотины капля ртути...

Мне, казалось, что эта капля имеет еще одно переносное значение: как сокрушающая плотины индивидуализма и зовущая тех людей к братству, единению, солидарности.

Родился Муса Джалиль 15 февраля 1906 года в селе Мустафино бывшей Оренбургской губернии. Знакомство с началом его жизненного пути воскрешает перед нами эпоху Корчагиных. Голод, разрушенные дороги, банды, убитые кулаками в дороге на съезд первые комсомольцы — и продолжающий этот путь Муса Джалиль. Юность поэта — это кипение общественной жизни.

Тринадцатилетний поэт пишет вполне квалифицированные стихи в духе восточной классики; а он тогда не только создавал организации, ставшие прообразом пионерских и комсомольских, но и увлекался Омаром Хайямом, Саади, Фазули, знал наизусть Тукая. У подростка сочетались мотивы классики и гражданская война, цитаты из К. Маркса и детские строки о коршуне, о цветах. Но уже через год два Джалиль весь в современности, в русле не только татарского, но и общесоветского литературного процесса.

Инструктор Орско-Оренбургского волостного комитета комсомола, редактор татарских журналов «Кечкенә иптәшләр» («Маленькие товарищи») и «Октябрь баласы» («Октябренок»), студент литературного факультета Московского университета — вот Муса Джалиль тридцатых годов. А между дорогой Оренбург — Москва лежат еще годы учебы на рабфаке в Казани, счастье общения с такими корифеями татарской литературы, как Галиаскар Камал, Галимджан Ибрагимов, Шариф Камал. Все это отразилось в первом поэтическом сборнике поэта «Барабыз» («Поехали»). Незабываемые годы, годы, идущие один за другим, как высокие волны, и на гребнях этих волн — Муса.

Муса — образ, который притягивает. Я сейчас представляю его по-разному. Чаще всего возникает перед взором картина, связанная с Волгой, с ее покрытыми маревом берегами, где в предрассветной тиши, с ярким, разноцветным полотном через плечо возникает передо мной порывистый и стремительный Муса.

Но в этом человеке были сосредоточены не только удивительный запас энергии, но и завидная усидчивость. Когда Муса писал стихи, ничто и никто не мог оторвать его от работы. Сложив ноги по-татарски, полускрыв глаза, сидел Муса, безмолвный и неподвижный, не реагируя на окружающее.

В воспоминаниях о Тукае мы читаем, что довольно часто заставали поэта в странной позе, когда он после утреннего сна, накрывшись с головой одеялом,

сидел покачиваясь, напевая, — сочинял свои стихотворения. У нас это называют зазыванием песни. В этой трогательной картине есть нечто такое, что присуще, возможно, только поэтам особенным — отношение к поэзии как некоему таинству, обожествление ее и поклонение ей. Да, разные картины воскресают сейчас перед моим взором.

Предвоенное лето. Встреча с бойцами Красной Армии в одной из военных частей. Муса, я и тоненькая девушка с восторженными глазами на опушке, в тени деревьев, читали солдатам стихи. Уже к вечеру, усталые, но довольные, отправились пешком через луг, зеленой тропинкой. Впечатлений от встречи много, настроение приподнятое, так и сыплется шутки и остроты. Не оттого ли,

что с нами была эта девушка, мы и не заметили, как сгустились на небе облака, загремел гром и полил дождь.

Мы бежим. Впереди густеющие черные облака, всполохи молний, летний ветер, дождь. Девушка с тувельками в руках перепрыгивает через лужи, за ней бежит Муса и в конце я. Мы летим на молнии, на черные облака. Этому уже сорок лет, но Мусу я всегда вижу таким, — в летнем дожде, в полусумраке туч, в золотых всполохах молний.

Последняя встреча. Свадьба перед самой войной — моя свадьба, словно бы нарочно придуманная для прощания с друзьями, собратями по перу. На улице вьюга. За свадебным столом на самом почетном месте — Хасан Туфан, Адель Кутуй, Муса Джалиль и та молодая девушка, бывшая тогда по лугу, неся над собой высоко, словно свечи, тувельки. Песня, стихотворение-экспромт, непрекращающееся « горько!». Сначала выкрикнул вставший в шутивно-почтительной позе Туфан, затем громко, так, что звякнули окна, Кутуй, затем Муса: «Горько!». Так мы встретили год, который привел нас к началу Великой Отечественной войны. Так запомнилась мне свадьба, ставшая и прощанием с юностью. Шутливое, безотчетно-веселое «горько» превратилось затем в истинно горькую, трагическую судьбу многих.

И Муса, и Кутуй, и я на фронте. Только Туфан где-то в далеком суровом тылу. Так раскидала нас жизнь.

Муса Джалиль — поэт, завоевавший в татарской поэзии прочное место в довоенную пору. Уже тогда он был известен несколькими своими стихотворными сборниками, прекрасной оперой «Алтынчеч», созданной совместно с

композитором Назибом Жигановым, поэмой «Письменосец», мастерски выполненной в лучших традициях фольклора. Муса вступил в войну как зрелый поэт, неутомимый общественный деятель, закаленный руководитель. В войне участвовали почти все руководимые Джалилем члены Союза писателей Татарии, начиная с молодых, кончая почти всеми представителями среднего, джалиловского поколения. Сколько было их, молодых талантов, еще только готовивших свои первые поэтические книжки, горячо стремившихся в литературу, подобно почкам яблони, которые вот-вот распустятся и расцветут! Самый молодой из них, погибший на границе в начале войны, — поэт Агзам Камал. Первый и последний его сборник — «Девушка, продающая цветы». «Цветы и снаряды» — так назвал цикл своих стихов, написанных в самый разгар войны, современник Мусы — поэт Шайхи Маннур. И Фатих Карим, ставший в годы войны самым любимым татарским поэтом, сконцентрировав воедино все наши чувства, дал своему сборнику острое и выразительное название: «Мелодия и возмездие». Но поэзия, словно бы все еще недовольная достигнутым, стремилась выше и выше, к предельной своей ноте. Такой нотой, таким сгустком напряжения, в котором слились святые чувства мести и борьбы, и явились «Моабитские тетради» Мусы Джалиля.

Раненый Джалиль был схвачен предположительно 26 июня 1942 года, когда пробивался из окружения на Волховском фронте. Плен, неволя, затем лагеря для военнопленных под Ригой, в Демблине, в Вустру... В руки гестапо попал в августе 1943 года, обвиненный в разложении восточных легионов. В марте 1944 года суд в Дрездене. Смертный приговор. 25 августа сорок четвертого года наступил день, когда на лобном месте Европы, в тюрьме Плетцензее, были обезглавлены Джалиль и его сподвижники. «Моабитские тетради» писались на пыльных дорогах от одного города к другому, из одного лагеря в другой, в тюрьмах — в тягостном ожидании приговора суда. Среди них и те стихи, что были написаны в течение мучительных шести месяцев, последовавших после известия о предстоящей казни. Поэт пишет, что их 115. Но их было значительно больше, если учесть заготовки стихов и поэм.

Бывают судьбы, биографии, творческие индивидуальности, о которых думаешь постоянно. Столкнувшись с ними, начинаешь заново постигать смысл самых древних, уже известных понятий. Поэт и поэзия... Джалиль... «Моабитские тетради». Слово бы поэзия начинается сызнова. Стих, столкнувшийся лицом к лицу с фашизмом, как побывавший в бою солдат, становится суровее, злее, в нем появляется невиданная доселе яростная сила. А ведь многие из стихов «Моабитских тетрадей» написаны в период долгого и мучительного ожидания казни.

Порой душа бывает так тверда,
Что поразить ее ничто не может.
Пусть ветер смерти холоднее льда.
Он лепестком души не потревожит.

Гамэр БАУТДИНОВ, журналист-международник

Муса ДЖАЛИЛЬ И Кави НАДЖМИ

Ответ в самих стихах. Поэзия становится истиной, признанием. Ничто не может сломить советского солдата. Меня поражает величие души поэта. Обреченный, ожидающий казни, он пишет стихи, светящиеся юмором и радостью жизни. «Любовь и насморк», «Влюбленный и корова», «Хадича», «Соленая рыба» — вот последние стихи Джалиля. За несколько дней до смерти он просит тюремного священника принести ему в камеру «Фауста» Гете.

В камере с ним томится осужденный, как и он, на смерть итальянец Рениеро Ланфредино. Муса изучает итальянский язык, чтобы прочитать в оригинале «Божественную комедию». Жизнь и смерть. В дневниках есть знаменитые строки, написанные им еще перед уходом на фронт: «Если я погибну на войне смертью храбрых, никак нельзя будет назвать такую смерть жалкой. Ведь когда-нибудь, согласно законам природы, жизнь моя все равно кончится, нить ее оборвется. Если не на войне, умру в постели. Возможно, тогда я буду уже не молод, умру в старости и за эти 30—40 лет до наступления смертного часа сумею создать довольно много хороших вещей, принесу пользу обществу. Это, конечно, правильно. Жить дольше — работать больше. Потому если мы говорим, что не боимся смерти, то это вовсе не значит, что мы не хотим жить и нам все трын-трава. Нет. Мы очень любим жизнь, хотим жить и смотрим на смерть с отвращением. И если твоя смерть (в бою) нужна Отчизне и если принятая тобой эта добровольная смерть окажется равной по значению 30—40 годам жизни в тихом труде, — то нет оснований для переживаний».

Этот документ, как все у Мусы Джалиля, полон потрясающего поэтического значения. Еще находясь в тылу, в Москве, он словно бы предчувствует, что положит на алтарь Отечества свою героическую славу и вместе с тем трагическую жизнь. Какое надо было иметь железное самообладание, чтобы, оказавшись в военной фашистской тюрьме Шпандау и зная, что ему не сносить головы в буквальном смысле, изучать итальянский язык в промежутке между неистово напряженной работой над стихами!

Он спешил, спешил как никогда. Спешил, чтобы, как он сам признается в дневниковой записи, «смерть оказалась равной по значению 30—40 годам твоей жизни».

...Иногда мне кажется, что я с Мусой встречаюсь чаще прежнего. За последние 15 лет в Татарии вырос новый город, город нефтяников — Джалиль. Наши встречи как бы повторяются каждый раз на новых, больших стройках: на КамАЗе и БАМе, где соединяется героизм прошлого с романтикой настоящего...

Один из самых больших проспектов на КамАЗе — проспект Джалиля. С юго-запада этот проспект простирается до Камы и вливается в проспект Мира. Проспект Мира соединяется в свою очередь с пресово-рамными, литейными цехами.

Проспект Джалиля — это живая память о поэте. Искусство Джалиля — это искусство борца. Оно бессмертно.

В стихотворении «Радость весны», вошедшем в цикл «Окопная песня», есть такие строки:

**Пройдя через стремнину огневую,
Я бы вернулся, чтоб в родном краю
Тебя увидеть и весну большую,
Спасенную от недруга в бою.**

А вот строки из его стихотворения «Могила цветка», вошедшего в последнюю, предсмертную книгу поэта, получившую известность во всем мире под именем «Моабитских тетрадей»:

**Как увядший цветок, в забытый
Я под снежной засну пеленою.
Но последние песни мои
Расцветут в вашем сердце весной.**

Да, это правда. Стихи Джалиля несут обаяние весны.

Казань, 1976 г.

Каждый год, когда в день рождения Мусы Джалиля (1906-1944) мы стремимся узнать что-либо новое о его жизни и творчестве, прояснить неизвестные страницы героического подвига поэта-патриота. Появляются новые публикации и даже книги, и вспоминаются те люди, которые так или иначе были связаны с ним. Одним из них был писатель и общественный деятель Кави Наджми (1901-1957), который многое сделал для восстановления доброго имени Джалиля и его реабилитации. Но прежде остановимся на личности самого Наджми, одного из основателей Союза татарских писателей.

Абдулкави Гибятович Нежметдинов (литературный псевдоним Кави Наджми) родился в нижегородском селе Красный Остров в семье потомственных мулл. А один из них, Абдулла Нежметдинов, дядя Кави, в 1907 году был даже избран членом 2-й Государственной думы Российской империи. Наджми учился в Симбирске и Москве, а позднее, будучи комиссаром Татарско-башкирской командной школы, обосновался в Казани. Одновременно он занимался литературой, примыкая к литературному течению имажинистов, среди которых выделялся поэт Сергей Есенин. Кави Наджми писал стихи и повести, преподавал, редактировал газету «Кызылармеец», журналы «Атака» и «Совет адабияты» («Советская литература»), проводил большую работу по сплочению татарских писателей. Именно ему было поручено выступить с докладом о татарской литературе на Первом Всесоюзном съезде писателей, на котором Наджми избрали членом правления Союза писателей СССР. Он и стал первым председателем Союза писателей ТАССР. Однако в 1937 году его арестовали по обвинению в подготовке «военного контрреволюционного мятежа», и в течение двух с половиной лет содержали в казанской тюрьме НКВД. Была арестована и супруга Кави Наджми — писатель и переводчица Сарвар Адгамова, которую сослали в Сибирь. А их 10-летний Тансык, «сын врагов народа», был вынужден скрываться у родственников. За недоказанность обвинений супругов освободили и реабилитировали, и в 1940 году семья воссоединилась. Этому трагическому периоду в их жизни посвящена книга «Сильнее смерти и страха смерти. История любви. Документы, письма, стихи. Кави Наджми — Сарвар Адгамова», которую подготовили Тансык Нежметдинов и его жена Сания Ахтямова. В том же 1940 году в ряды Красной армии был призван младший брат Кави — Рашид Нежметдинов, будущий блестящий международный мастер одновременно по шахматам и шашкам. Он прошёл войну и закончил свой боевой путь в 1945 году в Берлине.

После освобождения Кави Наджми вернулся к литературной и общественной деятельности, а Союзом татарских писателей в Казани в это время руководил Муса Джалиль. Они были давно знакомы, их связывали дружеские отношения, и сохранилась, в частности, их общая фотография 1932 года.

В годы Великой Отечественной войны Наджми заведовал отделом агитации и пропаганды Татарского радиокомитета. Он выступал со страстными обращениями к соотечественникам, суть которых сводилась к призыву всё отдать для Победы над врагом. В марте 1943 года Кави Наджми инициировал «Письмо татарского народа фронтовикам-татарам», опубликованное в газетах «Правда» и «Известия» и изданное в Казани Татгосиздатом в виде брошюры на татарском и русском языках. В начале 1945 года он издал подготовленную им «Книгу героев» («Батырлар китабы») о боевых подвигах татар, удостоенных звания Героя Советского Союза. По его инициативе появились письма Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева и других маршалов, в которых они высоко оценивали героизм татарских воинов на фронтах войны.

После войны появилась другая большая тема — судьба Мусы Джалиля в плену и отношение к этому со стороны властей, которую Наджми принял очень близко к сердцу. Здесь я сделаю небольшое отступление. В 2001 году исполнилось 100 лет со дня рождения Кави Наджми. Этот юбилей был торжественно отмечен в Москве, в Доме Асадуллаева, куда приехал сын писателя Тансык Нежметдинов с супругой Санией Ахтямовой. А до этого они побывали на родине Нежметдиновых в селе Красный Остров, где в их доме был открыт Музей Кави Наджми. Мы обстоятельно говорили о династии Нежметдиновых, сверяли затем их рассказы по нашим родословным. Затем я побывал в Казани, где Тансык-абый познакомил меня с семейным архивом, и супруги многое рассказали о Кави Наджми. В ходе нашей дальнейшей оживлённой переписки они не раз обращались к теме, связанной с Мусой Джалилем, переслаивая мне также копии разных публикаций в периодике. На основе всего этого можно прийти к определённым выводам.

Наджми не сомневался в невиновности оказавшегося в немецком плену поэта. После появления весной 1946 года первой «Моабитской тетради» (по мнению исследователей, их было три) он сразу же начал выступать за восстановление доброго имени и реабилитацию Джалиля. Кави Наджми заручился поддержкой тогдашнего руководителя Союза писателей СССР А.А. Фадеева, с которым был в добрых отношениях. Вместе они побывали на приёме в ЦК КПСС с ходатайством о восстановлении доброго имени Мусы Джалиля. С этим же вопросом Кави Наджми в 1947 году обратился в Президиум ЦК КПСС и Верховный Совет ТАССР (он был избран его депутатом), продолжая вести активную переписку с Фадеевым. Одновременно они оба всячески поддерживали вдову Джалиля — Амину-ханум. О невиновности Мусы Джалиля Наджми, по воспоминаниям его сына, говорил в своих выступлениях в Казани, в беседах с коллегами-писателями, в разговорах с литераторами, приходившими к нему в гости (Гази Кашшаф, Хасан Хайри

Кави Наджми с женой, сыном и невесткой

и другие). Он воспользовался и такой трибуной, как журнал «Совет адабияты», будучи его главным редактором. В 1948 году Кави Наджми опубликовал в журнале статью литературоведа Махинур Файзуллиной «Поэзия гражданской войны», в которой говорилось также о творчестве Джалиля, что вызвало недовольство Татарского обкома КПСС. Подытоживая деятельность Наджми в деле реабилитации Мусы Джалиля, бывший главный редактор журнала «Татарстан» Рифат Фаттахов писал: «Как ни странно, в трудах историков литературы эти заслуги К.Наджми полностью игнорируются. Или они не владеют исторической информацией, или ими движут отнюдь не научные интересы».

Между тем творчество и общественная деятельность Кави Наджми (а он был и председателем республиканского комитета защиты мира) получили высокую оценку в Москве. В 1949 году он завершил работу над историко-революционным романом «Язгы жиллар» («Весенние ветры»), который затем был переведён на русский язык и на многие другие языки. В 1951 году это произведение Кави Наджми, наряду с романом «Намус» («Честь») Гумера Баширова, было удостоено Сталинской премии, как тогда называлась Государственная премия. Оба автора стали первыми татарскими писателями — лауреатами этой премии.

Тансык Нежметдинов уточнил, что в январе 1952 года его отец поехал в Москву и, как всегда, остановился в гостинице «Москва». К нему пришли Александр Фадеев и Михаил Шолохов, и они долго говорили о деле Джалиля. Позже Кави Наджми встречался с писателем Константином Симоновым и поэтом Степаном Щипачёвым. При их помощи и поддержке Наджми своими руками сделал первый подстрочный перевод «Моабитской тетради» на русский язык.

Исследователь жизни и борьбы Мусы Джалиля писатель Рафаэль Мустафин в книге «По следам оборванной песни» назвал «вторым рождением поэта» день 25 апреля 1953 года, когда в «Литературной газете» была впервые напечатана подборка стихов Джалиля из «Моабитской тетради». В своей книге Мустафин рассказал о многих других этапах процесса реабилитации Мусы Джалиля, который завершился в 1956-1957 гг. присуждением ему посмертно звания Героя Советского Союза и Ленинской премии. Джалиль так и остался единственным поэтом и писателем в стране, удостоенным этих двух высших наград. А о роли Кави Наджми в деле реабилитации Мусы Джалиля Р.Мустафин в одном из интервью высказался так:

— По моему мнению, надо по достоинству оценить ту огромную роль, которую сыграл Кави Наджми в деле восстановления светлого имени Мусы Джалиля. К сожалению, людская память иногда подводит, а Пушкин как-то сказал, что ленивы мы и любопытны. Об активном участии Наджми в деле реабилитации Джалиля мне много тёплых слов сказала и его вдова Амина-ханым. О первой публикации им стихов из «Моабитской тетради» говорил Константин Симонов. Мы должны преклонить голову перед теми, кто выступал за реабилитацию Мусы Джалиля. И одним из первых среди них был Кави Наджми, видный писатель, чуткий и отзывчивый человек.

А вот что сказала по этому поводу Амина-ханым: «Я безмерно благодарна Кави-абыю за его смелость и мужество, которое он проявил в деле о реабилитации Мусы. Потому что стараниями таких людей, как он, свершилось чудо — честное имя Джалиля было возвращено народу. Кави-абый был его настоящим и надёжным другом. В самые трудные для нас времена он оставался нашей опорой, поддерживал и морально, и материально».

Мы далеки от того, чтобы давать одностороннюю оценку жизни и творчеству писателя Кави Наджми. Он был сыном своего времени, испытал взлёты и падения, писал в тех жёстких рамках и условиях, в которые была поставлена вся творческая интеллигенция. Однако не следует забывать, как много он сделал для людей, в том числе для своих коллег-писателей. И нельзя не согласиться с тем, что сказал о нём Минтимер Шаймиев:

— Мы глубоко чтим светлую память талантливого мастера пера Кави-ага Наджми, организатора Союза писателей нашей республики, воспитателя целой плеяды литераторов Татарстана. Люди моего поколения выросли на произведениях Кави-ага. Учились по ним строить новую жизнь, любить родную землю, трудиться. За что мы ему очень благодарны. Единственно, что я мог сделать для этого большого человека, это будучи студентом сельхозинститута, по зову своей души, проводил его в последний путь, идя в многочисленной колонне поклонников его таланта.

Гази КАШШАФ,
литературный критик

В мае 1942 года с Волховского фронта я получил от Мусы Джалиля письмо, в которое было вложено заветное, написанное карандашом на простой бумаге. Поэт писал, что он начал заниматься литературной деятельностью с 1916 года, т. е. когда ему было десять лет, а его первые стихи напечатаны в 1919 году во фронтовой армейской газете «Кызыл юлдуз», выходившей в Оренбурге. С тех пор Муса Джалиль постоянно печатался, но, как он признавался, опубликовано лишь тридцать-тридцать пять процентов его произведений. «Большая часть моих рукописей мною затеряна... до войны я их не сумел собрать и привести в порядок», - сообщал Муса Джалиль и просил меня собрать все его рукописи.

Каждый писатель имеет свой архив, свои рукописи, опубликованные и неопубликованные. Меня не удивило само заветное: фронт, передовая позиция, «может случиться всякое». Но мне показалось странным процентное указание на число неопубликованных произведений. Не слишком ли много для такого поэта, которого всюду печатали и не только на его родном - татарском языке?

Это удивление было тем более оправданным, что я отчасти был знаком с его личным архивом. В 1941 году поэт поручил мне составить сборник («Клятва артиллериста», Татгосиздат, 1942), и я имел возможность увидеть весь архив поэта. Архив был богат рукописями, в нем хранились десятки вариантов одного и того же произведения.

Дальнейшая работа над рукописями и сбор материалов из литературного наследия поэта показали, что он действительно при жизни печатался сравнительно мало. При издании трехтомника Мусы Джалиля (1955-1956 гг.) в первом томе более половины стихотворений были изданы впервые. Третий том почти полностью состоит из неопубликованных произведений.

А сбор рукописей поэта далеко еще не завершён. Уже после издания трехтомника мне удалось разыскать новые рукописи Джалиля.

В чем же дело? Почему поэт столь невнимательно, как это может показаться, относился к своему творчеству, почему он не привел в порядок свои рукописи?

Муса Джалиль дневников не вел. Его записные книжки предназначались для сбора материала к новым произведениям. К письмам для душевного

О моём ДРУГЕ

откровения он прибегал в исключительных случаях. «Когда чувствам и мыслям становилось тесно в сердце и в голове» он писал стихи. Он мог писать когда угодно и где угодно. Он вдохновенно работал над многими произведениями одновременно, работал с увлечением, ненасытной жадной творчеством. Амина Джалилова рассказывает, что у Мусы выработалась привычка творить в любых условиях - дома и на улице, в коридорах учреждений и во время деловой беседы. Острые эпиграммы, шаржи в стихах он писал на собраниях, на вечерах, в гостях. Писал и на папиросной бумаге, и на обоях, и на оберточной бумаге. Писал быстро, как бы стремясь догнать, не упустить свои мысли, большей частью простым карандашом. Второпях он забывал пронумеровать страницы написанного. Хорошо еще, если Муса записывал свои произведения в тетради или в блокноте, но часто он писал на разрозненных листках, а то и на клочках бумаги.

Вот передо мной черновая рукопись нигде не напечатанной баллады «Матрос Штепенко». Это баллада о славных советских моряках парохода «Благоев», потопленного в 1936 году в Средиземном море фашистскими пиратами только потому, что «Благоев» вез подарки детям борющейся республиканской Испании. Баллада написана на страницах разрозненных и пронумерованных «служебных записок». И я, как колоду карт, тасую эти страницы, но пока они мало о чем мне говорят, ибо баллада в целом не найдена. По обнаруженному плану лишь известно, что она состоит из семи глав и эпилога. Недавно я нашел еще две страницы этой баллады...

И таких рукописей у Мусы Джалиля было много. Муса не торопился печатать свои произведения. «Куда спешить?» - говорил он обычно, очевидно, считая, что нужно писать и писать, искать новое, более совершенное, поэтическое.

Он не мог и не умел вести лишь одну работу. Еще во время учебы ему, как и многим его современникам, приходилось работать в нескольких местах. И у него уже тогда выработалась привычка сочетать различные обязанности. Когда писатели Татарии избрали Джалиля своим руководителем, он не захотел оставить работу в молодом оперном театре. Затем его избрали депутатом Казанского горсовета, он выполнял важные партийные поручения. И Муса Джалиль всегда был занят, вечно спешил из одного учреждения в другое; он нужен был всем, и его любили на улице, в коридоре какого-либо учреждения, в Доме печати и надолго останавливали. Не смея отказать, он слушал драматурга и артиста, композитора и поэта, журналиста и переводчика, рабочего и служащего, избирателя, студента,

преподавателя. Казалось, он слушал рассеянно, его умные глаза в это время были устремлены куда-то вдаль, но вдруг лицо его искажалось от возмущения какой-либо несправедливостью или же, наоборот, раздавался смех, темные глаза лучились блеском, который говорил о его внимании к собеседнику, о готовности оказать ему помощь.

Он любил жизнь и стремился туда, где шла напряженная борьба за новое. С комсомольским темпераментом и страстностью Муса кидался в бой и с наслаждением писал об этой борьбе в своих ярких, эмоциональных стихотворениях.

Когда материалы к новому произведению бывали собраны, изучение определенного куска жизни закончено, Муса Джалиль, прежде чем писать, любил поэтически осмыслить, как бы «прокалить» в своем сердце все то, что накоплено опытом. Красочный пример из 1938 года. Татарские поэты задумали создать коллективную поэму о трудовых подвигах советских людей, посвященную 20-летию ВЛКСМ. Муса Джалиль был приглашен в качестве автора одной главы этой поэмы. Был тщательно разработан сюжет, и все приступили к работе. Союзом писателей была создана благоприятная обстановка в Доме творчества на Волге, каждый поэт должен был спешить, чтобы завершить свою главу в течение пятнадцати дней. Работа закипела, поэты при встрече друг с другом обменивались мнениями о проделанном, некоторые уже черне закончили свои главы и приступили к обработке. Приближался срок представления глав для обсуждения. Только один Муса ничего не писал, целыми днями катался на лодке, пропадав на волжском пляже, бродил по лесу, гулял в яблоневом саду, играл в волейбол, беседовал с колхозниками, забавлялся с детьми. И никто не видел ручки или бумаги в его руках. Тревога охватила поэтов - для самой ответственной главы еще не написано ни строчки. Они решили предупредить Мусу и как-то за обедом, в столовой, сказали:

- Муса, мы уже завершаем работу, а ты все тянешь... Ты задерживаешь нас...

- У меня уже давно все готово, - заявил спокойный Муса неожиданно.

Одни изумились, другим показалось это насмешкой, третьи не знали, верить или нет, и потребовали, чтобы Муса завтра же показал свою рукопись. Муса согласился. И за одну ночь он записал в тетрадь то, что полагалось ему по плану коллективной поэмы, - около четырехсот стихотворных строк! В архиве Мусы хранится эта тетрадь, и поразительно, что при обсуждении его главы поэты не внесли никаких замечаний, она была напечатана без единого исправления. Оказалось, что Муса искал поэтические краски,

Слева направо: Сибгат Хаким, Усман Альмеев, Нур Баян, Джавдат Файзи и Муса Джалиль. 1939 г.

художественные образы не в тиши уединенного кабинета, а среди живых людей, на природе. Муса признавался, что не садится за стол, пока у него не созреет образ.

Однако нельзя думать, что он создавал свои произведения только таким путем. Над драматической поэмой «Алтынчеч», сочетающей легенду с историей, реальной действительностью с фантазией, он работал упорно и долго, написал одиннадцать вариантов, пока не достиг совершенства. Замечательная лирическая поэма «Письмоносец» также имеет много вариантов, и, когда она была завершена окончательно, Муса не спешил с ее опубликованием. Она пролежала еще два года, подвергаясь испытанию временем, и была напечатана в 1940 году, принесла славу ее автору.

Коренастый, плотный и плечистый, всегда со вкусом одетый, аккуратный и элегантный, Муса Джалиль быстро шагал по улице и порой не замечал своих знакомых: в это время он жил в мире творимых образов. Эти образы так увлекали его, что он нередко оставлял свою папку или портфель там, где находился. Однажды он уехал из Москвы на загородную подмосковную дачу к композитору Б. Асафьеву в домашних туфлях и заметил это лишь тогда, когда была закончена их совместная творческая работа.

Он всегда что-нибудь создавал, был возбужден новыми замыслами, вдохновлен самой жизнью. Любитель шуток, игр, Муса Джалиль и в самой веселой компании не забывал о своих героях, но порой он стремился к уединению и тогда целыми днями бродил по парку или по лесу, погруженный в свои думы. Во время таких прогулок он с детским любопытством рассматривал полевой цветок, кустик земляники, тонкую березу, как бы заново открывший перед ним пейзаж. Он любил море и свой отпуск обычно проводил на берегу Черного моря. И здесь его любимым занятием была гребля. Он один катался на лодке с утра до вечера - на морском просторе ничто не мешало ему мечтать - и возвращался бронзовый, усталый и задумчивый. И в городе в часы отдыха он стремился к одиночеству, уходил в парк. Но когда подросла его любимая дочь Чулпан, он не расставался с ней. Больше всего на свете он любил свою дочь и мог бесконечно рассказывать ей сказки, нося ее на руках по аллеям парка.

Одно лето мы вместе с семьями отдыхали в Крыму, и, наблюдая за другом, я хорошо знал, что Муса, уединившись, создавал что-то интересное, весомое, хотя и здесь по обыкновению на бумагу он ничего не заносил. Если поэт с детства на память знал всего Тукая, М. Гафури, Дэрдменда, тысячи народных песен, а в дальнейшем обогатил свою

память шедеврами русской и мировой поэзии, знал наизусть стихотворения русских и татарских советских поэтов, то не удивительно, что он все свои произведения читал наизусть и мог воспроизвести их на бумаге по памяти. Так случилось со знаменитыми Моабитскими тетрадами. С помощью своих друзей по неволе он раздобыл бумагу и сделал себе записные книжки. Бисерным почерком он заносил в них свои стихи, созданные в плену, и даже помнил дату рождения многих из них. Раздобыть бумагу было нелегко, и часть стихотворений и одна поэма этого периода творчества так и не были занесены в тетради. «Куда писать? Умирают вместе со мной», - сокрушенно написал Муса Джалиль на обложке одной записной книжки.

Естественно, обладая исключительной памятью, Джалиль до войны не обращал внимания и на свои затерянные рукописи. Да поэт и не думал о смерти, даже роковые случайности, казалось ему, должны были пройти мимо него. Он систематически занимался утренней гимнастикой, обливался по утрам холодной водой, любил спорт: плавание, волейбол, греблю, лыжи и, несмотря на низкий рост, обладал атлетическим телосложением. Двухпудовую гирию он поднимал как игрушку. Муса рассчитывал жить до ста лет и глубоко верил в свое долголетие.

Но вот началась Великая Отечественная война. В день объявления войны - 22 июня 1941 года - он с семейной гостил у меня на даче, и мы вместе с поэтом А. Исхаком до утра следующего дня в семейном кругу говорили о войне, о литературе, о будущем. И здесь впервые Муса произнес слова о смерти.

- После войны кого-то из нас не досчитаются...

Увы, он сказал правду...

Вскоре Муса был мобилизован. С какими чувствами и мыслями он ушел на фронт - рассказывают его письма. Он верил в победу, в лучшую жизнь после войны, к военным обязанностям относился серьезно, стремился овладеть искусством воина. В это время он и задумался по-настоящему над судьбой своего литературного наследия. После мобилизации впервые подумал о «большом сборнике избранных произведений» и писал: «Жаль, что много было идей, тем и замыслов, сюжетов, но написать и завершить [всего] не удалось».

В годы войны творчество Мусы Джалиля поднялось на новую ступень. Он активно работал над стихами, быстро их переписывал, обычно в двух экземплярах, и отправлял в тыл, подлинники просил беречь. Все, что волновало его, Муса всегда спешил выразить языком поэзии.

Казань, 1965 год

Маргарита ХАЛИЛОВА, краевед

Метростроевцы Башкортостана

Московское метро – гордость нашей столицы. Метро строила вся страна: лес везли из Архангельска, битум из Баку, машины прибывали из Ленинграда, рельсы – из Кузбасса, гранит – из Крыма. На строительстве работали представители более 30 национальностей. Это был великий труд.

Строительство метро в Москве было чрезвычайно сложной задачей. Кривые улицы, хаос в сетях, подземные реки и озера, проблемы грунта... Только на одном небольшом участке «Охотный ряд» — «Сокольники» метростроевцам пришлось пересечь четыре водных потока, спрятанных под землей в трубах: Неглинку, Ольговку, Чечеру и Рыбинку.

Многие первостроители погибли во время работ, получили травмы, а мы об этом даже не слышали. Я узнала о башкирских метростроевцах случайно, в 1988 году. Дело было на собрании, посвященном юбилею комсомольской организации. Выступал Гафият Ишмурзин, который в 30-е годы руководил райкомом комсомола. Он рассказал о ребятах, которые строили московское метро, об их трудовом подвиге.

Постановление о строительстве метрополитена в Москве вышло в мае 1932 года. Сам «Метрострой» был создан годом раньше.

В ноябре 1931 г. появились первые проекты линий, тогда же начались строительные работы. Ни о какой автоматизации тогда речи не шло, а значит, требовалось огромное количество рабочих. Пробовали набрать из Украины, но там свирепствовал голод. В шахтах люди падали в обмороки. Тогда стройку объявили Всесоюзной и во все регионы страны поехали агитаторы «Метростроя». Вербовка шла плохо. Наступил уже 1933 год, строительство сильно не продвинулось. Из одного населенного пункта выезжали всего 5-10 человек. В марте агитаторы приехали в село Николо-Березовка.

Тогда, в начале 30-х годов в Башкирии немного изменилось административное деление. В частности, Краснокамский и Калтасинский районы были объединены, Николо-Березовка стала райцентром. Перед молодым и амбициозным секретарем райкома Ишмурзиным поставили сложную задачу — найти хотя бы сотню добровольцев. Он выступил в сельском клубе, и уже на следующий день записываться в строители пришло 318 человек. Всего до июня метростроевцы завербовали 2100 желающих. Такого наплыва добровольцев агитаторы не ожидали, поэтому в другие районы Башкирии они даже и не поехали.

Ввиду особого положения «Метрострой» заключил с Калтасинским районным договором. Агитаторы пообещали, что работники из Башкирии будут задействованы на основной стройке в тоннелях. Это было важно, поскольку часть завербованных занималась обустройством быта метростроевцев в бараках в Филях.

По своей инициативе жители района стали засеивать так называемые «гектары метростроя» — поля, урожай которых целиком отправляли строителям в Москву. «Метрострой» в свою очередь поставлял в район новую технику. Благодаря «Метрострою» в Николо-Березовке появился генератор, который обеспечивал все село электричеством вплоть до 50-х годов. Также «Метрострой» телефонизировал поселок и привез трактор-тягач.

Правда, иногда сотрудничество омрачалось. Например, первую партию активистов из Башкирии никто не встретил в Москве. Побродив два дня по площади трех вокзалов, строители-добровольцы чуть было не уехали обратно. Ситуацию разрешил первый секретарь Калтасинского ВКП(б) Петр Звездин. Получив от строителей телеграмму, он прибыл в

столицу и в офисе «Метростроя» занялся распределением новых работников.

Договор между строителем и компанией заключался на полгода. По желанию его можно было продлить. На стройку отправляли только колхозников. Перед длительной командировкой каждый должен был пройти медкомиссию. Врач смотрел не только на здоровье, но и на возраст. Младше 18 не брали, хотя были и исключения. Например, Мухаметнуру Фатхиеву было в 1933 году 14 лет. Он осиротел в восемь месяцев, его подкармливала вся деревня, правда, ни одна семья так и не решилась взять его на воспитание. С малых лет Фатхиев батрачил на кулаков. Когда пришли агитаторы, парень несколько дней умолял взять его на стройку, но ему отказывали. Историей Мухаметнура проникся Петр Звездин. Он настоял на том, чтобы подростка взяли в Москву. Поначалу мальчик работал землекопом, потом его перевели в бетонщики. Фатхиев пробыл на стройке два года. Как и все метростроевцы, он получил несколько специальностей. А после возвращения из Москвы вначале он работал зоотехником, потом устроился в райком партии, прошел войну, был трижды ранен.

Дочь Фатхиева Маргарита вспоминает, что для ее отца строительство метрополитена стало самым важным событием жизни: «Мой отец был главным в башкирской делегации. Как у солдат бывает сын полка, у них был сын бригады. Рабочие ему даже имя другое дали — Михаил. Им было сложно выговорить «Мухаметнуру». Первую в жизни премию он тоже получил в «Метрострое». Ему вручили костюм и ботинки. Папа был очень горд таким подарком».

Но если Мухаметнуру и мечтал стать метростроевцем, то многие даже не знали, на что они согласились. Литсотрудник газеты «Ударник метростроя» Михаил Шур писал: «Правления колхозов и совхозов, которые сами-то с трудом представляют себе метрополитен, оказывали помощь в наборе добровольцев. Составили списки, выписали соответствующее число справок, напекли соответствующее число булок и отправили своих, холодно попрощавшись».

Михаил Шур во многих своих материалах пишет, что строительство метрополитена — дело добровольное.

Отличник народного просвещения РСФСР, почетный краевед Республики Башкортостан Алексей Семенович Исекеев сумел найти интересный документ — открытое письмо метростроевцев к землякам: «Наша стройка развертывается с каждым днем. Но темпы еще недостаточны. Нам нужны новые пополнения нашей рабочей армии. Скорее, товарищи, собирайтесь! Вы здесь нужны. Не верьте тем несознательным, малодушным людям, которые испугавшись

первых трудностей, позорно сбежали и теперь распускают вздорные слухи о нашей стройке. Мы живем в хороших условиях», — сказано в обращении.

В то время ходили слухи об обвалах и плывунах. Плывуны действительно были. Известен случай на перегоне между «Комсомольской» и «Сокольниками».

Раньше в этих местах были болота, что существенно осложняло работу. Возле Ярославского вокзала случился прорыв, вода попала в котлован. Ликвидация ЧП заняла несколько дней, протечку устранили, котлован очистили. Еще один котлован чуть было не привел к обрушению кинотеатра «Молот». Его стала заполнять вода из подземной реки Рыбинка. Но речушку удалось вернуть в прежнее русло и воду из котлована откачали.

Какими усилиями вместо 200 квадратных метров кладки в день бригада устанавливала 300-400, сказать сложно. Естественно, во время строительства первой очереди метрополитена были жертвы, но число пострадавших и покаянных неизвестно.

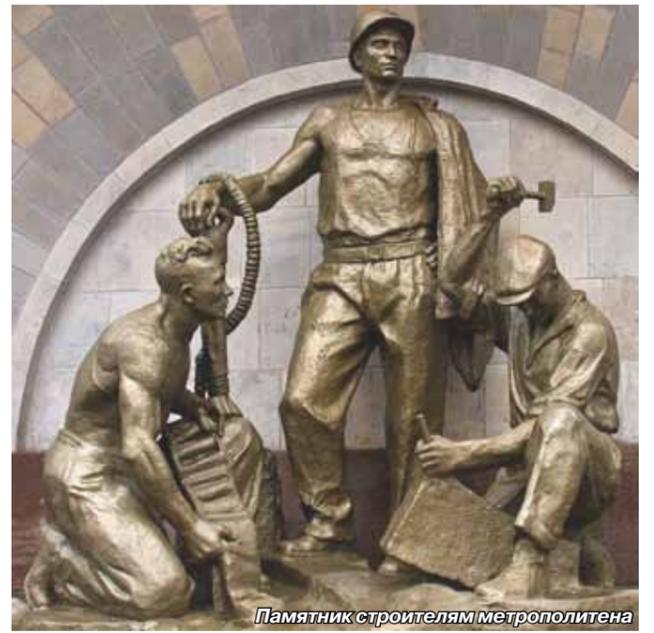
Наравне с мужчинами на стройке метрополитена трудились и женщины — с кирками и лопатами, по колено в воде.

Азер Галиева из деревни Актанышбаш была землекопом, крепильщиком и даже проходчиком.

«Нас, девушек, сначала пытались оберегать в забое от тяжелых работ. Но мы все-таки добились своего — вместе с мужчинами спустились под землю и отбойными молотками долбили грунт. Работали в невероятных условиях. Недра земли встречали неласково. Природа будто испытывала наш характер. Усталые и чумазые, мы шли с работы в брезентовых куртках и брюках, огромных широкополых шахтерских шляпах и резиновых сапогах, мокрые и всегда грязные. На нас с уважением и жалостью оглядывались москвичи. А мы были горды, что строим метро», — писала Галиева в своих воспоминаниях.

В шахте она познакомилась и со своим будущим мужем Галимом. В Башкирию супруги возвращаться не стали, до пенсии проработали в «Метрострое». Осталась в столице и Менлиза Ильдыбаева из деревни Старые Калтасы. На строительстве подземки она проработала девять лет, участвовала в сооружении «Дзержинской», «Кировской», «Сокольников», была землекопом, взрывником, крепильщиком.

К февралю 1935 года первая ветка были построена. Первыми пассажирами московского метрополитена стали делегаты VII съезда Советов. В газете

Памятник строителям метрополитена

«Ударник Метростроя» опубликован восторженный отзыв некоей Зиги Сагитовой: «Я, как делегатка съезда Советов, раз уже проехала из конца в конец. Сейчас второй раз поехала, чтобы получше запомнить да своим рассказать. Больше всего мне понравилась станция «Охотный ряд». Вот уж подлинно дворец. Таких и на земле не встречала». Для обычных горожан метро открылось 15 мая 1935 года.

Потом стали строить новые станции. Но активистов из Башкирии уже не звали. Появлялись новые технологии, требовавшие меньшее количество рабочих. Да и строить дополнительные станции было чуть проще: уже был опыт и наработки. Долгие годы Алексей Исекеев рассказывал о метростроевцах на уроках истории в школе, где работал учителем. А в 1996 году в село Калегино Калтасинского района прибыл тогдашний мэр Москвы Юрий Лужков. Он приехал навестить свою маму и заодно посетил краеведческий музей.

«Я тогда рассказал ему о вкладе жителей района в строительство метрополитена, — вспоминает Исекеев. — Лужков на меня посмотрел внимательно и сказал, что в честь метростроевцев района одна из станций будет названа «Калтасинская» или «Башкирская».

Однако новые и новые станции открывались, но «Башкирской» среди них не было. На 75-летие московского метро, в 2010 году, генеральный директор компании Геннадий Яковлевич Штерн прислал в администрацию Калтасинского района поздравительную открытку. Вот тогда мы и поняли, что нужно начинать действовать. Написали десятки писем в различные инстанции с просьбой хотя бы повесить на одной из станций мемориальную доску в память о башкирских метростроевцах. Была восстановлена копия знамени, которое торжественно выдали калтасинским бригадам. Собрали огромный архив, рассказывающий об участии жителей района в строительстве подземки.

В краеведческом музее Николо-Березовки метрострою посвящен отдельный стенд с фотографиями и газетными вырезками. Директор музея Ольга Степкина говорит, что материала много, часть фотографий хранится в запасниках, поскольку у учреждения нет места для всех экспонатов.

— Эта тема еще не совсем изучена. Мы проводим встречи с потомками метростроевцев, собираем тех, кого знаем, — рассказывает Ольга Степкина. — Но после стройки у всех судьба сложилась по-разному. Кто-то остался в Москве, были те, кто погиб на фронтах Великой Отечественной или был репрессирован. У нас нет точных цифр. Лишь единицы метростроевцев оставили дневниковые записи. Многие даже не рассказывали детям о своем участии в строительстве. И хотя московский метрополитен считается одним из самых красивых в мире и станции построены в ударные сроки, до сих пор есть люди, которые считают, что это не так важно, что тут особо странного, просто под землей ходят поезда, и все.

Калтасинский р-н,
Башкортостан

Они построили станции метро «Красные ворота», «Сокольники», «Комсомольскую» и «Красносельскую» в Москве

Муса Жәлил

КЫЗИМА (Бишек жыры)

Шаян кызым син минем,
Таң йолдызым син минем,
Йөрәгемдә кабынган
Шатлык жырым син минем.

Синең гомрең жыр булып
Яңрар бәхет илендә.
Йолдыз булып янарсың
Син туган ил күгендә.

Таңнан торып, бакчада
Син уйнадың көнозын.
Аргансыңдыр, кил, кызым,
Иокла инде, йолдызым!

Әлли-бәлли-бәлли-бәү!
Әлли-бәлли-бәлли-бәү!

КАРАК ПЕСИ

Чоландагы ак майга
Ияләшкән күселәр,
Мин чоланны сакларга
Куштым ала песигә:
— Мияу, мияу, пескәем!
Барчы, зинһар, чоланга,
Майны сакла күседән,
Оясыннан чыгарма!
Песи күргәч, күселәр
Қойрыкларын кыстылар.
Йөрмәделәр чабышып,
Ярыкларга постылар.
Мияу, мияу, пескәем!
Колак салдың сүземә!
Каравылдан бушагач,
Сөт бирермен үзеңә!
Иртә белән майга дип
Керсәм, күзем акайды:
Явыз песи берүзе
Ялт иттергән ак майны!
— Мияу, мияу, пескәем,
Хыянәтче икәнсең.
Саклай торган маеңны
Үзең ашап киткәнсең!

Балам-бағалмам

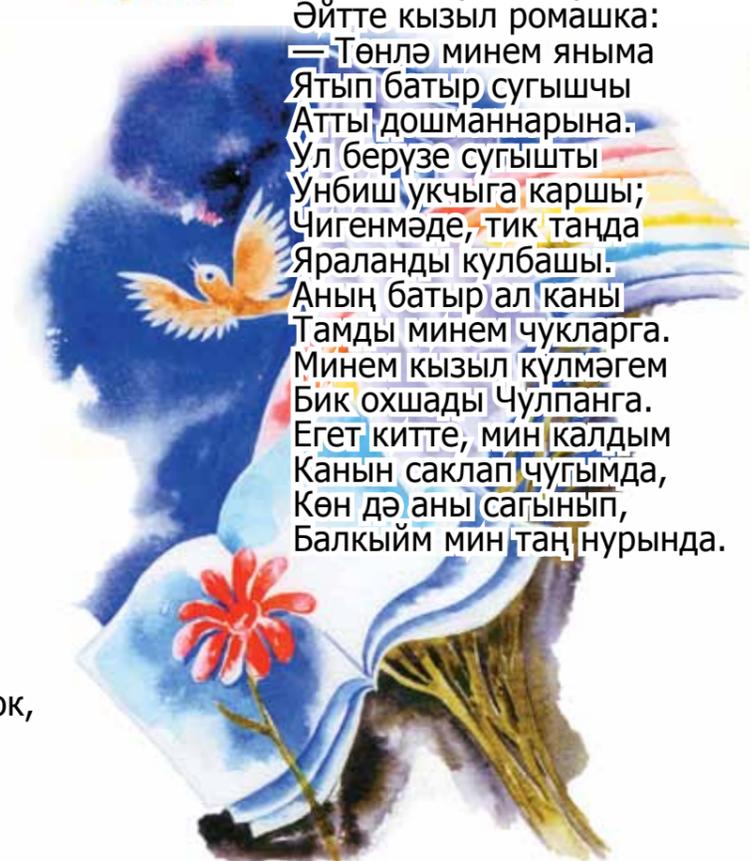
БАЛА ЙОКЫСЫ

Ак мамык мөндәрнең
Эченә күмелеп,
Ул йоклай, төсенә
Сокланып үләрлек!
Күкрәген тутырып
Еш, иркен сулаудан
Ал бәрхет ирене
Аз гына суланган.
Битләре — пар алма,
Миләүшә — керфеге.
Тир белән чыланган
Ефәк чәч бөртеге.
Өстеннән ул тибеп
Очырган юрганын.
Өч бөртек кашын да
Жыерган булган ул!
Бадианмы, нәркисме —
Хуш исле кочагы!
Куенында, билгеле,
Иң сөйгән курчагы.
«Шылт» иткән тааыш юк,
Бүлмәдә шундый тын.
Кешеләр сөйләшә
Үзара шыпыртын.
Чү, акрын! Идәнгә
Нык басып йөрмәгез!
Йокласын туйганчы,
Уята күрмәгез!
Бүлмәдә өч чебен
Бар иде, аны да
Шәл белән кудылар
Өлкәннәр ягына.
Күрегез, никадәр
Қадерле баланың
Йокысы да назлы
Күңленә ананың!

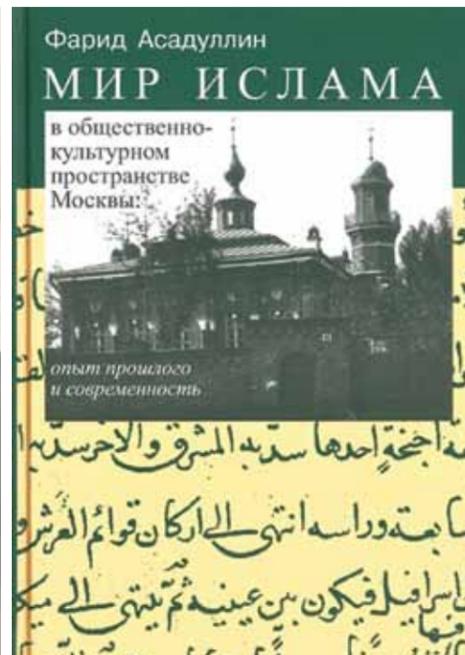
КЫЗЫЛ РОМАШКА

Иртәнге таң нурыннан
Уяңды ромашкалар.
Елмаеп, хәл сорашып,
Күзгә-күз караштылар.
Назлады жыл аларны,
Тибрәтеп ак чукларын,
Таң сипте өсләренә
Хуш исле саф чыкларын.
Чәчкәләр, кәефләнеп,
Жай гына селкенделәр.
Һәм кинәт шунда гажәп
Бер яңа хәл күрделәр.
Ерак түгел моңаеп,
Утыра ромашка кызы,
Тик чуклары ак түгел,
Кан шикелле кып-кызыл.
Ромашкалар бар да ак,
Аерылмый бер-береннән;
Ничек болай бер үзе
Ул кызылдан киенгән?
Әйттеләр: «Син, сеңелкәй,
Ник үзгәрдең? Нишләдең?
Нидән кызыл чукларың?
Нидән алсу төсләрең?»
Әйтте кызыл ромашка:
— Төнлә минем яныма
Ятып батыр сугышчы
Атты дошманнарына.
Ул берүзе сугышты
Унбиш укчыга каршы;
Чигенмәде, тик таңда
Яраланды кулбашы.
Аның батыр ал каны
Тамды минем чукларга.
Минем кызыл күлмәгем
Бик охшайды Чулпанга.
Егет китте, мин қалдым
Канын саклап чугымда,
Көн дә аны сагынып,
Балкыйм мин таң нурында.

ИШЕК ТӨБЕНДӘ

Үтеп барам шулай урам буйлап,
Парадныңда күрәм бер бала.
Звонокка үрелә, буге житми,
Аптырагач, карап уйлана.
Мин балага киләм:
— Әллә, - димен, -
Звонокка бугең житмиме?
— Житми шул, - ди.
— Кая, үзем басыйм.
Бернеме, - дим, - әллә икеме?
— Биш, ди.—Басам.
Шуннан бала әйтә:
— Абзыкай, син нинди йөрәкле!
Әйдә качыйк хәзер, хужа чыкса,
Икебезгә дә бирер кирәкне!

Вышла в свет новая книга ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН, исламоведа, Фариды Асадуллина «Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: опыт прошлого и современность». По словам автора, интерес к указанной проблеме вызван повышенным вниманием к изучению новых тенденций развития мировых мегаполисов, в которых исламская составляющая в современных условиях имеет важное научное, культурное и социальное значение. «Москва, как город, имеющий особый столичный статус и символическое значение в сознании ее граждан, в этом смысле не исключение. Обращение к мусульманскому прошлому Москвы, имеющему достаточно древние корни, подчеркивает одну из главных ее особенностей как исторического многонационального города. Российская столица с учетом быстро развивающихся национальных диаспор Закавказья, республик Северного Кавказа, центрально-азиатских государств, а также исконного этноса Москвы – татар является самым крупным мусульманским городом не только России, но и в целом Европы, насчитывающим до трех миллионов человек этнически и духовно связанных с исламом», – отмечает Фарид Асадуллин. Книга публикуется согласно утвержденной Президиумом РАН программе научно-исследовательских работ «Закономерности исторического развития народов Востока с древнейших времен до середины XX века». Предлагаем нашим читателям ознакомиться с предисловием к книге, которое написал постоянный автор газеты «Татарский мир», кандидат педагогических наук Марат САФАРОВ.

***

Интерес к современному развитию мусульманской общины Москвы, обусловленный колоссальными демографическими и социокультурными изменениями в жизни мегаполиса, влияет на появление большого количества публикаций, репортажей, активное обсуждение мусульманской темы в СМИ. Однако публицистический пафос в основном сводится к рассмотрению актуальных миграционных проблем, что закономерно, но создает впечатление отсутствия собственной мусульманской истории города. В этой связи обращение к научным исследованиям, к уже успешно складывающейся историографии татарской Москвы позволяет целостно и полноценно представить себе многовековое взаимодействие православных и исламских общностей в городе, прочные и глубокие русско-татарские культурные связи.

Имя и работы ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН Ф. А. Асадуллина хорошо известны всем исследователям истории ислама в России. В прошлом году в газете «Татарский мир» была опубликована наша

статья, приуроченная к юбилею ученого. Фарид Абдуллоевич и сам активно выступает в СМИ, являясь одним из ключевых и авторитетных экспертов в области истории и современного развития мусульманской общины России.

В конце 1980-х годов, уже имея опыт ученого-арабиста (исследователя ливийской литературы), Ф. А. Асадуллин приступает к разработке совсем иной темы: осмысления роли и места ислама в социальной и политической жизни города. Определение общих хронологических рамок, привлечение обширного круга источников (включая литературные, генеалогические; материалы топонимики и городской мифологии) позволили выстроить стройную концепцию мусульманской Москвы. Автор подчеркивает постоянное присутствие в городской жизни татар, которые вплоть до новейших времен, представляли и олицетворяли московский ислам. Со средневековых времен, как показывает Ф. А. Асадуллин, колоритный образ татарина стал частью городского социума, несмотря на скромные показатели численности общины (в 1897 году – около 4.200 человек при общей численности населения Москвы, составлявшей 1038,6 тысяч человек) и её локализацию в особых районах – прежде всего в Замоскворечье.

Начиная с серии статей и с упомянутой выше монографии «Москва мусульманская», Ф. А. Асадуллин в своей новой работе продолжает не только привлекать редкий материал (что все еще важно, учитывая пока короткий период историографического осмысления), но и осуществляет культурологическое изучение судьбы великого города. Этот подход существенно отличает работы Ф. А. Асадуллина, включая и анализируемую, от привычного классического «монографического» подхода, основанного на интерпретации документальных источников. Ф. А. Асадуллин опирается не только на источниковедческую линию великих историков Москвы И. Е. Забелина и М. Н. Тихомирова, но и в большей мере – на историко-философские идеи столпов евразийства (например, Н. С. Трубецкого). Евразийские идеи в целом созвучны ему и, на наш взгляд, определяют его авторский почерк, как исследователя московского ислама.

Очень важным, для понимания подхода Ф. А. Асадуллина является его мысль, что «мировые города как преимущественная форма расселения людей являются своеобразными аккумуляторами истории, в которых через длящийся веками диалог разных культур и религиозных традиций кристаллизуется архитип каждой, известной нам цивилизации». Несмотря на очевидную сложность и мозаичность истории Москвы, вплоть до последнего времени рассмотрение прошлого города в полиэтничном и поликонфессиональном контекстах практически не велось.

Следование евразийскому подходу при строгом соответствии принципу историзма позволило автору выстроить оригинальную ретроспективу,

особенно при рассмотрении крайне мифологизированной истории средневековой Москвы. Карамзинская формула – «Москва обязана своим величием ханам» находит в работе многочисленные подтверждения, включая влияние ордынских политических традиций на складывание московской централизованной системы власти, анализ взаимоотношения церкви и Орды (невмешательство ханов в церковную жизнь; исцеление ханши Тайдулы митрополитом Алексием в середине XIV века). Изменения в отношении уже обретшего независимость Русского государства к татарскому наследию показывается автором не только на очевидных примерах борьбы Ивана IV Грозного с Казанским и Астраханским ханствами, но и более поздним и основательным разрывом со своими восточными корнями при первых Романовых. Россия обрела новые идеологические ориентиры.

Символически названия глав книги. Разделы, рассказывающие об истории Москвы средневекового периода и даже XVIII века, подчеркивают основу ритма и облика города: «Татарская Московия», «дочь Азии, весьма удивленная тем, что находится в Европе» (цитата из знаменитого Джакомо Казановы, посетившего Россию в 1764 году).

Детально Ф. А. Асадуллин рассматривает новый этап непрерывной жизни мусульманской общины Москвы, когда в XVIII веке, в том числе и благодаря либеральному курсу Екатерины II, татары обретают определенную свободу в своем историческом месте обитания – Татарской слободе в Замоскворечье. Уточнение дат основания мечети, границы Татарской слободы, роль татарского купечества, социальный состав общины – все это определяет содержание главы, посвященной XIX веку. Здесь авторский стиль несколько изменяется – повествование строится уже не столько в философском ключе, сколько в необходимом для плотного фактологического анализа, скрупулезном отборе ключевых вех и персоналий истории общины, прежде всего, купцов-меценатов (Салиха Ерзина, Шамси Асадуллаева и др.), религиозных деятелей.

Именно в конце XIX-начале XX вв. община приобрела сообразные эпохе образовательные, благотворительные и частично печатные структуры. В 1904 году была построена и новая мечеть в Мещанской части города. Хотя численность общины оставалась невысокой, роль татар в торговой жизни города (например, в меховой отрасли) отмечалась мемуаристами, а образ татарина-дворника и старьевщика, обусловленный притоком крестьян из мишарских деревень Поволжья, стал частью городского ландшафта.

Работа завершается обстоятельными главами, посвященными советскому периоду и современности. Здесь автору благодаря многолетней работе в руководстве Духовного управления мусульман Российской Федерации удалось привлечь «внутренние» документы из архива Московской Соборной мечети и различных религиозных структур,

возникших в новейшую эпоху. И вновь стоит отметить особую историографическую роль Ф. А. Асадуллина. Выработав один из подходов к осмыслению роли ислама в социокультурном пространстве города (уже отмеченный выше, восходящий к теории евразийства), Ф. А. Асадуллин определил общий исследовательский интерес к изучению Москвы мусульманской.

Ныне уже сложился круг авторов, изучающих различные периоды истории мусульманской общины Москвы, причем как в аспекте государственно-религиозных отношений, так и в контексте социальной истории. Таким образом, знакомство с новой работой Ф. А. Асадуллина позволяет не только получить ретроспективное представление о мусульманских страницах московской истории, но и имеет глубокое методологическое значение для современных исследователей. Само же устоявшееся понятие «Москва мусульманская» во многом ассоциируется с публикациями Фариды Асадуллина. И дело не только в широком признании его одноименной монографии 2004 года, удостоенной авторитетной премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга «за выдающиеся работы в области востоковедения». По существу, Ф. А. Асадуллина довелось стать основоположником изучения того научного направления, которому он посвятил почти 30 лет своей деятельности.

Уроженец Казани, выпускник одного из важнейших мировых центров академического исламоведения и арабистики – восточного факультета Ленинградского университета Фарид Асадуллин – заслуженный работник культуры РТ, не прерывая связей с родным Татарстаном, стал одним из наиболее цитируемых историков ислама в России. Сейчас, когда происходит процесс выдвижения кандидатов на соискание Государственной премии Татарстана, учитывая заслуги уроженца республики перед научным сообществом России, могу высказать свою скромную мысль как историка и коллеги Фариды Абдуллоевича – очень важно было бы увидеть в числе награжденных автора столь известных и капитальных работ. В лице Фариды Асадуллина была бы отмечена целая историографическая традиция – изучение татарской Москвы.

В 2015 году Государственную премию Татарстана согласно Указу Президента Татарстана Рустама Минниханова вручили доктору исторических наук Агдасу Бурганову, что было с большей радостью воспринято не только многочисленными учениками старейшего профессора РГГУ, но в целом татарским академическим сообществом. Это важно и ценно, что работа московских татар замечается родной республикой.

Татарская община Москвы тысячами связей – научными, культурными, экономическими и просто человеческими, переплетена с Казанью и Татарстаном.

И еще. Редко, когда коренной москвич так понимает корни и современный ритм великого города, как это удается казанцу Фариду Асадуллину, ставшему историком Москвы.

Лия ПРОНЭР, вице-президент ассоциации «Культурный мост «Россия-Франция»

Давняя мечта художника

Ринат Анимаев – художник, член Союза художников Франции, входит в десятку лучших французских художников современного искусства. Ему позировали Рудольф Нуреев, Лев Гумилев, множество других интересных личностей, на встречу с которыми, считает Ринат, ему всегда везет. Еще в допарижское время – в Москве, на Таганке, ему позировал Владимир Высоцкий. Там же в Москве встречался с нашим соотечественником из Англии, поэтом Равилем Бухараевым. По происхождению Ринат Анимаев – татарин, родился в г. Душанбе 24 марта 1955 года. В сентябре 2015 года впервые состоялась выставка его работ в Казани.

Кто бы мог представить, что состоявшаяся в столице Татарстана выставка поможет приоткрыть занавес периода жизни отца художника. Это стало невероятным открытием для семьи Рината. Но начну рассказ по порядку.

Дело в том, что после экспозиции в Казани картины художника в декабре были перевезены в Москву на выставку в Культурный центр «Дома на Патриарших». Именно в дни проведения выставки в российской столице на свою электронную почту Ринат получает письмо от Амины Араслановой, жительницы г. Казани. В нем она с теплом отзывается о его работах и очень ненавязчиво задает ему вопрос «А нет ли у него родственников в Казани?» Дальше она сообщает, что знакома с Дамирой Алиевной Анимаевой и попросила Рината связаться с ней. По ее словам, этой скромной женщине 82 года и всю жизнь живет в Казани. Поначалу Ринат не сразу смог сопоставить, кто эта женщина, так как история его фамилии, по рассказам его отца, связана с Узбекистаном. Однако единство фамилий заставило задуматься. Между ними завязалась переписка: вопросы, ответы, звонки и вот, получив очередное письмо от Амины Араслановой, уже с фотографией родителей Дамиры, не осталось никаких сомнений. С фотографии на него смотрел молодой, красивый мужчина, которого он, правда, не помнил и не знал – это его отец Анимаев Мансур. Дамира оказалась не просто однофамилицей. Родной сестрой по отцу. Оставалось неясным, почему их отца звали Али в Татарстане и Мансуром в период жизни в Узбекистане – значит, у отца была какая-то тайна, которую он унес с собой.

Обратимся к истории нашего героя. Ринат был седьмым ребенком в многодетной семье. Его отец Мансур Исхакович Анимаев – художник, мать Салима Усманова-Анимаева занималась воспитанием детей. Вот как сам Ринат впоследствии вспоминает свое детство: «Семья у нас была большая и жизнь интересная. Всему находилось место – и справедливости, и наградам, и спорам, но всегда мои родители были добры и никогда не было место тайнам и скандалам». Разве мог Ринат предполагать, что 50 лет спустя он откроет для себя одну из тайн своего отца, и это произойдет благодаря персональной выставке в России, в Татарстане.

Позвольте отступить от сюжета нашего рассказа и немного написать с чего все начиналось, и почему выставка приехала в Казань. С Ринатом мы познакомились благодаря дружной татарской диаспоре, которая существует в Париже давно. Судьба разбросала татарский народ по всему миру, но где бы мы не проживали, всегда стараемся сохранить свое духовное культурное наследие, историю своей нации и своего народа. Так и здесь в Париже в далекой загранице мы живем, как большая дружная семья: татарские встречи, национальные праздники, концерты. В октябре 2015 года прошёл Форум татар Европы в Посольстве России в Париже. Это значимое событие для всех татарских диаспор, живущих за рубежом, способствовало дружеским добрым знакомствам, обмену мыслями, новыми идеями. На конгрессе Ринат представлял 60 своих работ и дарил свои книги участникам конгресса.

А вот идея проведения выставки в г. Казани возникла у меня сразу после моего первого посещения этого города. Мое знакомство с Татарстаном состоялось отнюдь не случайно, теперь я это прекрасно осознаю. Летом я была приглашена в Казань к участию в памятном вечере, посвященном годовщине смерти Высоцкого. В рамках этого события мы с моей творческой группой показали короткометражный фильм «Париж по местам Высоцкого», который сняли совместно с оператором Николаем Головиным и при участии Рустема Валиахметова, директора Музея соцбыта г. Казани. Именно в этот самый красивый сезон года я открыла для себя этот замечательный город, соприкоснулась с гостеприимством татарского народа, а также сам город не мог не впечатлить своей таинственной историей и архитектурой, уютом улиц. Именно здесь я познакомилась со многими людьми, которые в дальнейшем и

помогли в осуществлении проекта – открытия персональной выставки Рината Анимаева.

Ринат очень давно мечтал провести свою выставку в Казани – на родине своих предков, он мне и раньше часто об этом рассказывал, говорил, что есть у него заветная мечта – приехать в Казань со своими работами и познакомиться с родиной своего отца. Он был в Казани всего один раз в конце 1981 года. Будучи студентом художественного института имени В.И. Сурикова вместе с друзьями они приехали на празднование 100-летия Николая Ивановича Фешина – живописца, графика, скульптора, представителя импрессионизма и модерна, родившегося в Казани. Выставка с работами мастера состоялась в Музее изобразительных искусств Татарстана в Казанском Кремле. Именно та памятная поездка в Казань и подарила ему встречи со многими выпускниками Казанской художественной школы, с которыми он продолжил свое общение и в Москве, и за рубежом. И тогда он увез с собой не только теплые воспоминания о посещении, о гостеприимстве татарского народа, но и у него появилась мечта – вернуться в этот город еще раз.

В те 80-е годы Ринат еще не знал, как сложится его дальнейшая жизнь, с чем ему придется столкнуться, какие сюрпризы приготовит судьба. И вдруг спустя десятилетия лет он снова в Казани со своими работами.

К большому сожалению, он не смог лично представлять свои работы, у него на период проведения выставки в Казани были уже заключены другие контракты с галереями во Франции, и так я стала его представителем для проведения его выставок в России. Мы вместе с ним работали над этим проектом «Четыре сезона». Вместе отобрали из его персональной коллекции 100 любимых работ, и выставка отправилась в путешествие.

Вопреки всем непредвиденным обстоятельствам, с которыми нам пришлось столкнуться, но благодаря огромной поддержке всех, кто принимал активное участие, выставка состоялась и уже сейчас можно свидетельствовать ее успех.

На протяжении двух месяцев, каждый житель Казани мог бесплатно посетить персональную выставку работ мастера, которая разместились в двух залах в одном из самых красивых зданий на Театральной площади в городской Ратуше.

Теперь пришло время вернуться к нашей истории, что же произошло. И какую тайну истории жизни своего отца Ринат открыл для себя после проведения выставки.

А произошло то, что называют нежданной-негаданной встречей с родным человеком.

25 января 1933 г. в семье Али и Сары Анимаевых родилась вторая девочка, которую назвали Дамирой. В этом году ей исполнится 83 года, и только сейчас она обрела семью, когда всю жизнь думала, что осталась одна. Из воспоминаний своего детства, она помнит, как отца арестовали: первый раз это случилось в 1934 году, в этот период он работал в исполкоме г. Казани, после ареста его быстро освободили, а вот через 2 года он был снова арестован и сразу отправлен в тюрьму, где был приговорен к расстрелу. Почему и за что? – ее семья так никогда не получила ответ. Время было суровое, только одно объяснение было в письме – по политическим мотивам. В скором времени брак между ее родителями был расторгнут, и теперь уже понятно почему. В СССР политические репрессии продолжались с 1921 по 1954 годы – сколько советских граждан им подверглось, сколько семей, сколько судеб было сломлено. Не обошло горе стороной и семью Анимаева. Так Сара, ее мать, осталась одна с двумя маленькими детьми на руках.

На протяжении всей своей жизни Дамира думала, что ее отца нет в живых. Она жила с мамой и сестрой, о своем детстве она просто без слез не вспоминает. Очередное горе обрушилось на их семью – от болезни умирает ее старшая сестра в возрасте 16 лет сразу после окончания войны. Дамира становится взрослой в один день. Так, оставшись с мамой вдвоем, они жили вместе и были неразлучны и в горе, и в радости. Дамира так и не устроила свою личную жизнь: вначале была учеба, потом работа, потом дом и забота о маме. Каждый раз, рассматривая домашний семейный альбом, у нее всплывали слабые воспоминания о своем отце и о том счастливым времени, проведенном вместе с ним.

Как бы сложилась ее судьба, если бы не арест отца, если бы не развод родителей, не война, теперь уже не перевернуть эту страницу ее жизни и не изменить ее судьбу.

История ее отца уводит нас в историю его корней. Его отец Исхак, фамилию он не помнит, был муфтием в духовенстве г. Казани и в 1918 г. в период революции он был расстрелян большевиками, а троих детей – самого Али вместе с братом и сестру Сару добрым людям удалось спрятать, а затем и вывезти в Узбекистан. Именно отсюда и пошла история фамилии Анимаев (в переводе «ани» – мама, «май» – масло). В приемной семье, где оказались все дети муфтия, когда все вместе сядили за стол, первое, что произносили ребята была фраза – «Ани, май бир» («Мама, дай масла») – это мы уже знаем из рассказа самого Рината Анимаева. Так вот при получении документов приемные родители и дали детям эту фамилию, чтобы ничего им не напоминало о трагедии их родных родителей.

Анимаев Али вырос в Узбекистане, но родина его тянула и в свои восемнадцать лет он предлагает своему брату и сестре вернуться в Казань. Уже с этого момента начинается новый этап в его жизни. Уже под другой фамилией и с другим именем Анимаев Али возвращается на родину. Он находит работу, поступает учиться и встречает свою первую любовь. Все было бы в его жизни по-другому, если бы не 30-40-е гг. в Советском Союзе – времени, оставившим непоправимый, тяжкий след во многих сердцах советского народа и жестоко разрушившим многие судьбы. После отбывания срока Анимаев Али был освобожден уже перед началом Великой Отечественной войны, но больше никогда он не вернется в Казань, так как будет призван на фронт, а после окончания войны с медалями и орденами за отвагу он вернется туда, где прошли его детство и юность. Вернувшись на свою вторую родину в Узбекистан, он снова возвращает свое имя Мансур, которое ему было дано при рождении и начинает жизнь с нового листа. В Узбекистане он не находит работу и переезжает в столицу Таджикистана Душанбе. Там он знакомится с Салимой – с тихой, скромной, маленькой девушкой, которая в 30-е годы тоже переехала в Таджикистан из Татарстана со своими двумя сестрами Махирой и Зинаидой. Она оказалась по национальности татаркой и даже землячкой – родилась в деревне Давлеканово недалеко от Чистополя. В свои 26 лет Салима Усманова уже была вдовой, оставшись с двумя детьми на руках – Минсылу и Юлдус, муж погиб на фронте. Они поженились. В совместном браке родилось еще пятеро: две девочки Гульсум и Мила и три мальчика – Эдуард, Анвар, самого младшего назвали Ринатом. Чтобы прокормить свою семью Мансур много работал, заведовал художественными мастерскими, работал оформителем и много рисовал. Отец всегда мечтал быть свободным художником. Ринат вспоминает побеленные стены, завешанные его работами, говорят, он был самолюбивым мастером и знатоком. Он готовил краски по своим рецептам на основе пигментов, которые собирал в горах и растирал на хлопковом масле, рамы для своих картин изготовлял сам. У Рината сохранился натюрморт, написанный отцом, датирован 1949 годом: это кусок черного хлеба и два помидора как напоминание о трудном времени жизни. Ему хорошо запомнились две работы отца. Летний пейзаж средней полосы: облака, уводящие зрителя в неведомую даль, с двух сторон лес стеной, манящий своей завораживающей темнотой, скрывая в себе тайны прошлого, и вдруг бегущий ручей среди камней со своей прозрачной водой, как представление о прекрасном неизведанном будущем. Другой пейзаж – зимний: на нем изображен мокрый снег, сани, избушка с дымком в трубе, как представления о Родине, о мире и вдали за лесом теплый мерцающий закат, как мечта о счастливом будущем. Ведь картины для художника – это отражение всей глубины его души, пространства, которое

его окружает, это образ, пойманный на определенном этапе прожитого времени и застывший на холсте. Это нечто магическое, волшебное таинство неизвестного, цвета красок, толщины линий или просто непрочитанная книга. Все, что он видел в картинах отца и привело Рината Анимаева к профессии художника, которой он учился почти 17 лет. В художественную школу он поступил в 10 лет, уже после смерти отца. По окончании школы в 1972 г. поступил в художественное училище г. Душанбе, затем с 1978 по 1984 г. – учеба в московском художественном институте имени В.И. Сурикова. Уже в студенческие годы стал участвовать в персональных выставках. В 1986 году вступил в Союз художников СССР. С 1989 года Ринат живет и работает во Франции. Ему позировали много интересных и знаменитых людей, с которыми его, как считает Ринат, сводит сама судьба. Его кисти принадлежат портреты Олжаса Сулейменова, А.Солженицина, Р. Нуриева, Л.Гумилева, Л.Гурченко, В.Высоцкого.

Спустя годы, преодолевая расстояния, сама судьба раскрывает ему тайну своего отца и дает возможность найти и встретиться родным людям. Когда все прояснилось, первое желание Дамиры, конечно, было встретиться с родственниками, и она, не откладывая, берет билет и приезжает в Москву, где живут два брата Рината – Эдуард, Анвар и сестра Гульсум, а также его два сына Тимур и Мансур, внучка, племянники. Дамира едет на встречу со своей большой семьей. На Казанском вокзале ее встретили родные, она сразу попросила чтобы ее повезли на выставку. «От волнения и радости она не могла говорить, у нее даже голос пропал», – вспоминает сестра Рината Гульсум. В культурном центре «Дома на Патриарших» их тепло встретили и она очень долго и молча рассматривала картины Рината, потом сказала, что чувствует его душу, его характер, а то тепло, которое исходит от работ, переносит ее в воспоминания детства.

Дальше была экскурсия по Москве, теплый семейный ужин со всеми родственниками, знакомство с Ринатом по скайпу, разговоры об отце, о ее жизни, о жизни братьев и сестер, просмотр фотографий и понимание того, что у нее теперь есть семья, и жизнь продолжается.

И все же несмотря ни на что, как говорят, ведь жизнь – не черновик, ее невозможно переписать, а тем более прожить заново. Так цените каждый день в своей жизни, он прекрасен, события, которые происходят в нашей жизни, сами по себе нейтральные – это мы сами раскрашиваем их в определенный цвет. Давайте же раскрасим нашу жизнь яркими цветными красками, как на картинах Рината Анимаева.

Мы растём, взрослеем, жизнь нас разбрасывает по разным уголкам земли, но свою малую Родину, о которой остаются только тёплые сокровенные воспоминания, мы не забываем никогда и чтим до последних дней жизни. Ринат Анимаев и я лично выражаем сердечную благодарность, говорим огромное человеческое спасибо и шлем низкий поклон всем, кто нам помогал и поддерживал наш проект в Казани и в Москве.

Выражаем признательность Мэрии г. Казани в лице Метшина Ильсура Раисовича, директору ратуши Латфуллиной Дине Анваровне, Комитету содействия развитию туризма в лице Лодвиговой Евгении Анатольевны, руководству «Булгар Банка». За возможность организации экспозиции в Москве хотелось бы сердечно поблагодарить полномочного представителя Республики Татарстан в Москве, заместителя Премьер-министра республики Ахметшина Рауля Калимулловича, директора «Дома на Патриарших» Халиуллина Ильдара Умяровича, участника татарской диаспоры Бельгии Ситдикову Зайнап Рахимовну, управление «Казанской железной дороги» в лице Кондратьева Александра Михайловича, участников Совета татарской молодежи г. Москвы в лице Валитовой Динары.

Париж, 2016

Рашид БЕКБУЛАТОВ,
почетный сотрудник МВД России, полковник запаса

Война... Какое короткое слово! А сколько за ним горя, трагедий, несбывшегося счастья, искалеченного детства. Сколько воспоминаний, о которых говорят с нежеланием и «комом в горле». Любая война в любой стране, в любое время - это человеческие страдания, жестокость, смерть...

Самая кровопролитная, самая драматичная война в истории нашей страны - Великая Отечественная. О ней написаны сотни, тысячи книг: научных исследований и художественных романов, воспоминаний маршалов и рядовых, поэм и публицистических произведений. Мое поколение знает об этой войне, главным образом, из учебников по истории России. Но скупые слова учебника вряд ли могут передать те страдания людей, которые выпали на долю наших соотечественников в эти страшные годы.

1418 дней длилась Великая Отечественная война. Эту цифру без записки назовет ветеран, воевавший на фронтах войны, труженик тыла, ковавший победу у станков на заводах. Да и как забыть эту цифру!? Ведь отсчет времени вели не годами, не месяцами, а днями. Каждый день - это битва за свою жизнь, за жизнь родного человека, за жизнь родной страны.

Великая Отечественная война испытала советский народ на прочность характера, силу духа, умение быть одной большой семьей, в которую пришла большая

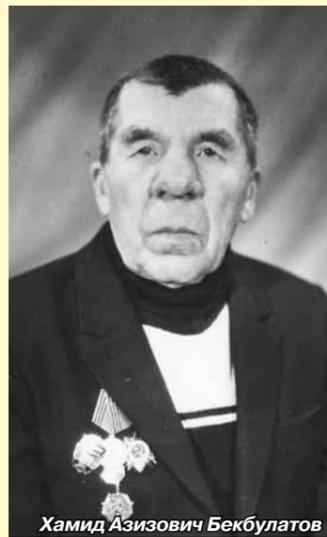
Нурмухамед Азизович Бекбулатов

В едином порыве

беда. Надо было научиться быть сильными, несгибаемыми, мужественно переносить все тяготы и невзгоды ради одного - ради победы над врагом. И у нашей большой дружной семьи все получилось. Мы победили! Мы выстояли!

75 лет прошло со дня капитуляции фашистской Германии, а наш народ, как и прежде, переживает горечь утрат и радость Победы. Мы победили благодаря патриотизму, массовому героизму солдат и офицеров, умелому командованию генералов и маршалов, особенно во второй половине войны. Победа досталась нам дорогой ценой. Десятки тысяч населенных пунктов были сожжены, разрушены заводы, фабрики, мосты, памятники культуры. Уничтожены посевы, скот, техника в колхозах. Но самое главное - это людские потери. Цена победы велика - около 27 миллионов человек потеряли мы на полях сражений, умерших от ран, от голода, замученных в концлагерях. Более 500 моих земляков, жителей села Азеево Ермишинского района Рязанской области, были призваны на фронт и встали, как и весь наш народ, на защиту своей Родины. В их числе были мой отец Хамид Бекбулатов и его брат Нурмухамед.

Отец не любил вспоминать ужасы войны. Но из сохранившихся документов известно, что он был призван на фронт 26 июня 1941 года, воевал в звании сержанта, был командиром отделения в 364-м отдельном разведывательном батальоне. В день победы он иногда рассказывал, как не раз ходил в тыл врага за линию фронта, чтобы разведать расположение

Хамид Азизович Бекбулатов

вражеских частей, численность военной техники или взять «языка».

Запомнился один из его рассказов: «В начале февраля 42-го года наш взвод разведки получил задачу перейти за линию фронта в районе населенного пункта Мясной Бор и разведать расположение частей врага. Пробираясь по заснеженному лесу, по пояс в снегу, мое отделение шло первым - дозорным. Вдруг мы обнаружили с противоположной стороны след, который обрывался. Я послал солдата, чтобы он доложил обстановку командиру взвода. Тот приказал перейти на эту тропу и идти вперед. Только сделали несколько шагов, как прогремел взрыв. Тропинка была заминирована немцами. Из всего отделения в живых остался только я и еще один боец, остальные погибли. Спасли нас наши подоспевшие товарищи».

«Контуженный, с множеством мелких ран я ровно месяц находился на лечении в полевом госпитале, – продолжал вспоминать мой отец. – Выписался и был направлен в свою часть, но воевать пришлось недолго. 21 марта 42 года, когда возвращались из очередного задания, нас заметил враг и открыл пулеметный и минометный огонь. Завязался бой. Осколок мины попал мне в левую ногу, была перебита малая берцовая кость. До 15 июля находился на лечении в эвакогоспиталях, после чего получил полностью восстановить здоровье не удалось. В ноябре 1943 года военно-врачебная комиссия признала меня непригодным к военной службе, я стал инвалидом 2-й группы...»

За военные заслуги мой папа Хамид Азизович был награжден орденом и несколькими медалями. Вернувшись домой после многочисленных ранений, он сразу приступил к работе в родном колхозе, где так не хватало рабочих рук. Как и до войны стал кузнецом. После окон-

чания войны Хамид Азизович женился, в семье родилось трое детей. Доблестный труд отца не раз был отмечен грамотами и ценными подарками. Он становился ударником не одной пятилетки, победителем социалистического соревнования.

Хамид Азизович работал кузнецом более 50 лет. Нужный человек на селе, работы у него всегда было много: подковы изготовить или петли на ворота выковать, борону поправить – никому не отказывал. Свое 90-летие отметил в кругу друзей и близких. Пришли поздравить его глава администрации района, глава сельской администрации, представители военкомата, социальной службы и многие-многие другие.

В селе Азеево нет ни одной семьи, которая бы не потеряла близких родственников в Великой Отечественной войне. Всего погибло более 230 азеевцев. В нашей семье погиб родной брат моего отца, мой дядя Нурмухамед Азизович Бекбулатов. Он был кадровым военным. В 1937 году окончил Казанское военное училище. В 1939-40-е годы участвовал в войне с Финляндией и был ранен. После лечения в госпитале приезжал в краткосрочный отпуск в Азеево, а затем снова отправился на военную службу. Их часть располагалась на западной границе нашей Родины, недалеко от Брестской крепости, и поэтому одна из первых приняла на себя всю мощь фашистской военной силы. До 1980 года Нурмухамед Азизович считался пропавшим без вести. И только после обращения его матери Айши Исмагулловны к министру обороны, сообщили, что Нурмухамед Бекбулатов погиб храбро в должности командира полка в июле 1941 года.

Я часто думаю о трудной Победе над врагом в Великой Отечественной войне. К числу факторов, обеспечивших наш успех в Победе над фашистской Германией, я отношу дружбу и единство нашего многонационального государства, её Красной Армии, в которой служили миллионы людей многих национальностей. Плечом к плечу воевали русские и татары, мордва и якуты, казахи и украинцы, евреи и грузины. Нельзя это недооценивать, тем более, переписывать историю. Обидно и больно осознавать, что в этом у нас сейчас обозначились большие проблемы. События в разных регионах бывшего СССР, особенно на Украине, – подтверждение этому. Но я верю, что возобладеет разум и добрая воля людей.

Рязанская обл.,
село Азеево

Султан ШАМСИ

Наверно, уже мало кто в деревне помнит старуху Гаффу молодой. Многим кажется, что она всегда была именно такой – седоволосой, сгорбившейся под тяжестью лет, с сучковатой палкой в руке. Никто точно не знает ее возраста, да и кому это может быть интересным. Ведь когда строится дом, людям не до щепок, им хочется скорей закончить работу и поселиться под новой крышей. А в деревне сейчас постоянно что-то строят, подновляют, очищают... Вот и старуха Гаффа давно стала для деревни чем-то вроде щепки на стройке.

Раньше она время от времени исчезала куда-то. Говорили, что где-то возле Ташкента живет ее единственная дочь, у которой она гостила почти по полгода. Но толи в последний приезд дочь была неприветлива, то ли она зятю чем-то не угодила, или тяжело стало ей собираться в дальнюю дорогу – теперь никуда не ездит. Крыша небольшого дома, в котором она доживает свои дни, покрылась мхом. Ветхий домишко накренился вбок, его нижние венцы почти совсем сгнили, а крыльцо недостает несколько досок, замененных кирпичами. На крыше ветхого сарая вовсю растет лебеда. Если распахнешь скрипучие ворота, увидишь густо заросший крапивой да лопухами двор и покосившиеся заборы, которые давно не ведали умелых мужских рук.

Жизнь старухи для многих была тайной. Никто толком не знал, как и чем она живет. Если бы поинтересовались, возможно, и не было бы никаких загадок. Да только не до этого людям, у них своих забот хватает. Соперничая друг с другом, возводят они крепкие дома, покупают машины, строят гаражи. Да разве перечислить все заботы деревенского жителя. Один за другим дети подрастают, их надо выучить, выгодно устроить. А сколько нужно сил, времени, денег, чтобы свадьбу справить не хуже других. Да к тому же дети постоянно требуют то модную одежду, то планшет, то какие-то ай-пады, ай-фоны, то дорожные украшения. Не отдашь денег – будут чувствовать себя среди друзей униженными и обделенными.

Для всего этого, естественно, нужны деньги, а их просто так не дают. Чтобы раздобыть их, надо с утра до вечера крутиться, как белка в колесе, куда-то бежать, кого-то увидеть, держать по две коровы, быка, не менее пятнадцати овец, коз, кроликов. И разве выкроишь время подумать об одинокой старушке. Ведь дел и так невпроворот, что ни день, то новые заботы.

Но как бы там ни было, все же два раза в году и в доме старухи Гаффы бывают слышны

чужие бодрые голоса. Первый раз – в середине мая, когда приходит пора сажать картошку. Ее ближайший сосед, живущий в доме под сверкающим жестью крышей, заодно со своим займется и ее огородом – землю вспашет, картошку посадит. Отчего не помочь, если старушка пользуется лишь половиной участка, а остальное – в его распоряжении. Она и этому никак не наладится, много ли ей одной надо? Пусть пользуются на здоровье, ведь не может же пропадать такая плодородная, тучная, словно воронье крыло, земля.

С наступлением осени в дом старухи на пару дней вновь приходит оживление: соседи копают картошку на ее огороде и даже ссыпают в подпол. После этого ее жизнь надолго замирает. А за окнами дома начинают свою извечную игру холодные дожди, осенние ветра и лютые бураны. Слушая эти тоскливые звуки, старуха Гаффа – дитя матери-природы – продолжает свое существование. Порой кто-нибудь, взглянув из окна чулана на ее почти полностью заваленный дом, вздохнет со словами: «Жива еще бедняжка. Да поможет ей Аллах...» - и снова приступает к своим бесконечным хлопотам.

Иногда до слуха старухи Гаффы доходят какие-то пьяные голоса, песни, музыка, смех. А на следующий день к ней приходит соседка с покрытой полотенцем тарелкой. Она кладет на стол оставшиеся от гостей куски пирога, немного посидит, поведывает, подивившись жизни старухи, и уйдет. Потом старуха Гаффа ест пирог, размачивая в чае, и благодарит соседку за эти редкостные и полужабытые яства. Но такие дни на ее долю выпадают не часто.

Изредка навещают ее к ней и другие хозяйки. Эти женщины, не отстающие в погоне за жизнью от своих мужей, постоянно торопятся, куда-то спешат и, чувствуя, что спешка может обернуться какой-нибудь бедой, в виде милостыни приносят старухе то немного чая, сахара, кусок мыла или дешевый платок. Таким образом они как бы хотят избавиться от терзающих душу сомнений и подозрений, уповают на милосердие и прощение потусторонних сил. Но эти женщины заходят к старухе лишь когда им самим что-нибудь нужно. И все же такие дни остаются в памяти старухи одинокими деревьями в голой степи, она снова и снова возвращается к ним,

долго хранит в душе, вспоминая день, когда она слышала живой человеческий голос.

Так проходят дни, недели, месяцы. Зима, которая своим морозом холодит не только тело, но и душу, начинает клониться к весне. Тают ледяные сосульки на краях крыш и со звоном падают на землю капли. Птицы, радуясь долгожданному теплу и свету, поют веселые песни. Весна своим дыханием касается и души старухи Гаффы, потерявшей счет годам. Она все чаще подходит к окну и слезящимися глазами подолгу смотрит на сверкающий снег. Старуха думает о том, что в томнящийся ожиданием мир скоро придут теплые дни, которые, может быть, согреют ее душу, она снова услышит знакомые голоса и увидит искренние лица детей.

Летом же в жизни старухи произошло небольшое событие. К ней в гости стал наведываться мальчонка лет четырех, живущий в соседнем доме. Старуха Гаффа ласково гладила его по спине, берегла для него гостинцы, принесенные ей в милостыню, поила чаем и подолгу разговаривала с ним. Ребенок быстро привык к ней, как выйдет на улицу, тут же откроет воротца и окажется у нее в гостях. Но эта радость была недолгой. Однажды в дом зашла мать мальчонки и с сердитым видом увела его. С тех пор он не появлялся.

Спустя неделю старуха принесла на почту письмо, написанное рукой соседской девочки. Это было очень важное и дорогое письмо. Она возлагала на него большие надежды, поэтому ей самой хотелось бросить его в почтовый ящик. К несчастью, она закрыла дверь на замок, где-то по дороге потеряла ключ и, придя домой, не смогла открыть дверь. Боясь причинить соседям беспокойство, не стала обращаться к ним за помощью. Ладно еще у подавшегося в сторону косяка плохо закрывалось окно, через него она и попала в дом. И с этого дня стала пролезать внутрь дома через окно, подставив себе под ноги старый ящик. Через несколько дней соседка из окна чулана увидела старуху Гаффу, на четвереньках карабкающуюся на подоконник, и, войдя в дом, сказала мужу: «О Аллах, совсем спятила старуха, через окно уже лазит». Муж, подняв голову от тарелки, ответил ей:

— И как только в ней душа держится, пора бы ей уже того... Было бы хоть где сыну отделить-

ся, если женим... Насчет места я договорился...

Как-то под вечер хозяйки, встречающие у ворот стадо, заметили дым, идущий из утопающего в зарослях крапивы дома старухи Гаффы. Они тут же заголосили: «Пожар!.. Пожар!.. Гаффа горит!» - и побежали к ее дому. На эти крики сбегались и мужчины. Весь дом был в дыму, а на двери висел замок.

— Сама-то где? – крикнул кто-то.

— Внутри она, внутри... в дом через окно ходит, - слышалось в ответ.

Не теряя времени кто-то рванул на себе окно и бросился в дом. А другой вышиб ногой дверь и исчез в гуще дыма. Изнутри доносился грохот падающих вещей. Вскоре мужчины с кашлем и слезящимися глазами выскочили во двор.

— Нет ее там! – крикнул первый и снова закашлялся.

— Даже под кровать заглянул, нигде нету, - подтвердил второй.

— Да там она, там... где ей быть?! – ответили ему.

Тем временем женщины принялись таскать воду. Мужчины же через окно и двери опорожняли каждое подаваемое им ведро. Изнутри валил дым, смешанный с паром, но огня уже не было видно. Оказавшись занялись лишь старые вещи, и огонь не успел перекинуться на стены.

Вдруг из дома донесся голос: — Здесь она! Здесь!

Несколько мужчин снова бросились в дом и спустя мгновение вернулись со старухой на руках. Никто не знал, жива она или нет. Ее хотели положить возле забора, но кто-то воспротивился:

— Нет, нет... лучше положите вот там, где свежее.

Старуху перенесли в сад и положили на постеленное среди травы одеяло. Кое-кто еще продолжал поливать тлеющие вещи.

Вскоре вся эта суматоха закончилась, но народ не расходился. Один из мужчин стал рассказывать, как нашел старуху:

— Слышу – стонет кто-то, повернулся, а она на печи лежит... Ну и ну, думаю...

А другой сказал, покачив головой:

— Да, Аллах не обделил старуху годами... Ладно еще погода тихая, если бы ветер, глядишь и погорели бы всем селом.

— Главное, дома близко стоят, коль загорится, не дай бог... поддакнул третий.

Тем временем прибежала фельдшерка с сумкой на боку. Девушку проводили в сад и она, склонившись над старухой, стала слушать ее пульс.

— Сердце бьется, - сказала она. — Срочно нужно везти в больницу. Кто повезет? — Она подняв голову и с надеждой взглянула на собравшихся.

Никто не ответил. Тут девушка увидела соседа старухи Гаффы – Гинията.

— Дядя Гиният, по-моему, машина у вас. Давайте отвезем ее, - попросила она.

Гиният потоптался на месте и ответил:

— Машина-то есть, да вот не на ходу она. Вчера аккумулятор снял, - и отвел глаза в сторону.

Дело в том, что завтра утром ему нужно дочку с зятем-офицером встретить на станции, поэтому сегодня полдня возился с машиной, вытряс коврики и вымыл ее как следует. Вот и не хотелось ему пускать грязную старушку в чистый салон автомобиля.

— Сделайте же что-нибудь, не лежать же ей здесь! – крикнула девушка сорвавшимся голосом.

— Я сейчас... - сказал лохматый парень, стоявший рядом, и торопливо пошел к воротам. А собравшийся народ с тяжелым молчаливым взглядом смотрел на растрепанные волосы, закрытые глаза и пепельного цвета лицо старухи. Всем хотелось скорее покинуть это место и избавиться от гнетущего чувства.

Вдруг послышались звуки возвращающегося стада, и народ, словно по команде, начал расходиться, радуясь в душе тому, что нашелся повод. Девушка снова взяла костлявую руку старухи и стала проверять пульс.

— Давайте перенесем ее к воротам, - сказала она, выпрямившись.

Оставшиеся мужчины осторожно перенесли старуху к воротам и положили на землю. Тут протяжный стон заставил всех вздрогнуть, давая знать, что она еще жива. Вскоре к ним подкатил трактор с тележкой, с кузова которой спрыгнул тот кудрявый парень.

— Ничего лучше не нашлось. На дно мы траву постелили, - сказал он, как бы оправдываясь, и принялся открывать борта.

Старуху положили на свежескошенную траву, рядом с ней села фельдшерка, двое парней, и трактор тронулся. Когда он скрылся из виду, все как-то облегченно вздохнуло и, бросив прощальный взгляд на едва не сгоревший, покосившийся дом, стали расходиться по домам. Горячий суп, телевизор, теплая постель помогут им скоро забыть эту неприятность...

До первых лучей солнца старуха Гаффа лежала без сознания. Потом так и покинула этот бренный мир, лишь на несколько минут придя в себя. Лицо ее было спокойным, не выражающим как будто никаких чувств. Только в самое последнее мгновение на ее переносице добавилась маленькая морщинка, как будто она что-то хотела сказать. Но потом подумав: «Зачем?..», она будто отказалась от этой мысли. Все это уловила лишь фельдшерка, сидящая рядом.

В то утро солнце встало медленно. Слово обиженное на что-то, оно долго скрывалось за облаками, из-за которых с укором оглядывало землю. «Эх, люди, люди...» - словно говорило оно, не довольное их житьем-бытьем...

Перевод
Ляйсан Насибуллиной

Лилия САФИНА, журналист

Молодежные проекты москвичей...

С самого утра в КРЦ «Арбат» на Новом Арбате – настроение праздника и сопутствующие ему кутерьма и волнение. Повсюду молодые сияющие лица:

на девушках калфакки ручной работы, на юношах – элегантные бабочки. Одни фотографируются, другие рассматривают выставку картин, третьи спешат занять место в зрительном зале. Все гости в предвкушении встреч с известными москвичами, затем их ожидает гала-концерт с номерами популярных артистов и еще участники взбудоражены интригой – кого авторитетное жюри признает победителем конкурса «Хәрәкәт - 2015».

Целый комплекс проектов московской татарской молодежи вот уже второй год объединяет друг с другом сотни ребят – творческих, заинтересованных, инициативных. Это не пустые характеристики, это не просто слова, а самые настоящие разновекторные дела: литературные вечера, танцевальные группы, футбольные лиги, интеллектуальные викторины, пешие и автобусные экскурсии, кемпинги, благотворительные акции, выезды в детские дома и дома престарелых и многое другое – всего 26 презентаций. Оценивают работу участников известные государственные, общественные, религиозные деятели Москвы, Татарстана и других регионов России, ученые, журналисты, спортсмены, деятели искусства. Можно сказать громко, что цель всех этих инициатив – поддержать национальную культуру, исторические традиции, сделать популярным родной язык, а можно еще громче – сделать жизнь интересней и насыщенней, а мир вокруг себя – осмысленнее и добрее.

Идея проведения конкурса принадлежит Совету молодежи, созданному несколько лет назад при полномочном представительстве Республики Татарстан в Российской Федерации. «Мы довольно долго подбирали название конкурсу, – говорит председатель и главный «вдохновитель» Совета Эмиль Файзуллин, – «Алгарыш», «Развитие», «Восхождение», и в итоге пришли к единому названию «Хәрәкәт», которое в переводе с татарского языка означает «Движение», и посчитали, что оно будет наиболее полно соответствовать тому конкурсу, который мы придумали».

Именно с движения, а точнее с прихода в Татарский культурный центр все и началось для московской студентки Российского государственного гуманитарного университета Динары Валитовой – автора и руководителя серии проектов: «Литературные вечера», кинопоказы в Доме Асадуллаева, квест «Табышмак» (с татарского «Загадка»). «Когда я пришла в ТКЦ, увидела большую библиотеку и огромное количество незнакомых имен на полках. Стало интересно узнать о них побольше, ведь в московских школах это не проходят. А лучший способ узнать о чем-то, это постараться научить кого-то, организовать мероприятие на эту тему. Хоть и идея литературного клуба не нова, как оказалось, на тот момент в Москве такого не было. А раз

нет, надо сделать!» – рассказала решительная девушка. Хасан Туфан, Хади Такташ, Адель Кутуй, Галиаскар Камал, Габдулла Тукай, Мажит Гафури – этим известным татарским писателям и поэтам были посвящены литературные вечера. Участники проекта – отнюдь не профессиональные чтецы или актеры. Это искренние почитатели творчества литературных мастеров, готовые с большим удовольствием слушать их произведения, прочесть любимые строки или, если снизойдет вдохновение, и сами горазды написать стихотворение. «Есть идея выпустить сборник авторских стихов наших молодых поэтов, и мы также хотели бы увеличить круг наших участников, привлечь не только татарскую аудиторию», – говорит Динара. «Ведь очень важный аспект в развитии культуры – это открытость и взаимодействие с другими культурами. Она не должна замыкаться сама в себе. Если культура интересна людям, не относящимся к ней, значит, у нее есть будущее».

Литературный клуб под руководством Динары победил на конкурсе в номинации «Лучший проект в сфере изучения и пропаганды татарского языка и литературы».

Если поэтические чтения привлекают пока лишь истинных ценителей Слова, то другой конкурсант «Хәрәкәт-2015» – фестиваль «Татфест» возможностью весело по-походному провести время в палатках и на пленэре в теплые летние деньки манит к себе добрые две сотни ребят с самыми разными вкусами и предпочтениями. Спортивные состязания, мастер-классы, татарская музыка, интеллектуальные игры, вкусная халляная (то есть, дозволенная – прим. ред.) еда, приготовленная профессиональными поварами – все эти прелести входят в двухдневную программу проекта. «Мы получили много положительных отзывов от участников, – поделилась своей радостью организатор проекта Альфия Какушкина – многие знакомятся на мероприятии, женятся, создают семьи – это же безумно круто, кто-то партнеров для бизнеса находит или просто друзей». В планах Альфии и ее команды на следующий год позвать на татарские гуляния не меньше 400 желающих.

Второй год жюри «Хәрәкәт» отмечают работу Риммы Гумировой – начальника подразделения мотивации и оплаты труда аэропорта Домодедово и по совместительству автора целой россыпи проектов с «татарским акцентом» – клуб «Бердәмлек» (тат. «Единство»), вечера «Аулак өй», «Татарча Мафия», «Татарча диктант».

«Цель у всех проектов клуба одна, – говорит Римма – пробудить интерес к родному языку, к традициям, к фольклору. Мы хотели создать удобную и доступную площадку для реализации творческих идей, для общения со сверстниками из разных регионов на родном татарском языке в большом городе». В этом году Римма организовала в Доме Асадуллаева вечер под названием «Мин татарча сөйләшәм» (тат. «Я говорю по-татарски») с участием юной певицы, финалистки шоу «Голос» на Первом канале Саиды Мухаметзяновой, а последний вечер «Чәчәкле чай» (тат. «Цветочный чай») был, по признанию девушки, вовсе экспериментальным и неожиданным, так как был посвящен диалекту татарского языка – мишарскому.

Успешно позиционировала себя на конкурсе и «Татар-

ская футбольная лига» под руководством Ильнура Фарзи-ева. Основная цель проекта – популяризация здорового образа жизни среди татарской молодежи. В турнирах лиги принимают участие более 200 спортсменов – каждый третий из них татарского происхождения. «Чтобы стать участником нужно прислать заявку, что вы являетесь свободным игроком, – сообщил автор проекта Ильнур. – Капитаны рассмотрят вопрос о вашем включении в состав команды. В рамках ТФЛ мы ежегодно проводим турниры - Kardashlek cup и Miras cup. В дальнейшем надеемся увеличить количество команд. Ведь чем их больше, тем интереснее игры. Мы уже создали свой сайт, где будем вести статистику турниров. Сейчас эта информация находится в стадии обработки».

Особое место в конкурсе занимает номинация «Лучшее татарское землячество ВУЗа». Всего в Москве существует 36 татарстанских землячеств, семь из них – самые что ни на есть активные. В этом году лучшим из лучших стало землячество Государственного университета управления – «Яшьлек» (тат. «Молодость»). Землячество образовалось в 2007 году и, по словам его руководителя Эльвиры Арибжановой: «Чувствуешь более комфортно, когда рядом есть люди понимающие твой родной язык. Да и вообще, просто приятно встретить в стенах учебных заведений родного тебе человека. На данный момент наша группа насчитывает 175 участников. Поиски и привлечение ребят в наше землячество продолжаются до сих пор».

По рассказам девушки, за последнее время студентами землячества была проделана большая работа: участие в ежегодном внутри университетском фестивале Дружбы народов, организация областного сабантуя в подмосковной Малаховке: «Только благодаря землячеству я познакомилась с очень интересными людьми, обрела хороших друзей, узнала о деятельности татарской молодежи, вступила в ряды совета молодежи и стала частью всего круговорота событий. Мне кажется, за этот год моя жизнь повернулась с точностью на 180 градусов».

Добросовестный труд должен всегда вознаграждаться – все победители фестиваля получили заслуженные подарки – современные планшеты и ноутбуки. Как таковых проигравших в этом конкурсе быть не может, потому что абсолютно все участники достигли главной цели – своим действием, движением, отношением доказали, что сделать полезное, доброе, вечное во имя своей семьи, друзей, соотечественников и даже, если хотите, во имя Родины – возможно и совершенно необходимо. Да, это не всегда просто, трудности будут, но то, что исходит от сердца, в конце концов, всегда обретает опору и поддержку.

«Я до сих пор получаю сообщения с поздравлениями – отметила Эльвира. – Это так приятно, когда люди верят в тебя, рады твоей победе. Для меня это, прежде всего, победа над собой».

Даже самый маленький успех дает крылья, а с ними стремление совершенствовать полет. В этом смысле, по единодушному мнению участников, татарская премия «Хәрәкәт» становится знакомым событием года и служит настоящим стимулом для осмысления и дальнейшего развития проделанной работы.

фото: Камиллы Вильдановой

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.,
Председатель редсовета.
Президент Некоммерче-
ского партнерства «Вата-
ным» («Мое Отечество»),
академик РАН, Российской
академии медицинских наук,
почетный академик АН
Башкортостана, Казахста-
на и Татарстана, кардио-
хирург

Алишина Х. Ч.
доктор филологических
наук, профессор Тюмен-
ского государственного
университета

Асадуллин Р. М.
президент Башкортостан-
ской организации «Вата-
ным», ректор Башкирского
государственного педаго-
гического университета,
доктор педагогических
наук, профессор

Ахметшин Р. К.
заместитель Премьер-
министра Республики
Татарстан – полномочный
представитель РТ в Рос-
сийской Федерации

Володарская Э. Ф.
член правления «Ватаным»,
ректор Московского инсти-
тута иностранных языков,
главный редактор журнала
«Вопросы филологии», ака-
демик РАН

Давлетшин Г. М.
доктор исторических наук,
профессор Казанского
федерального универси-
тета

Нигматулин Р. И.
член правления «Ватаным»,
академик Российской ака-
демии наук, директор Ин-
ститута океанологии РАН

Сейфуль-Мулюков Ф. М.
член правления «Ватаным»,
журналист-международник

Смаков Р. М.
член правления «Ватаным»,
зам. председателя Верхов-
ного Суда РФ в отставке,
заслуженный юрист Рос-
сийской Федерации

Ренат Харис,
лауреат государственной
премии РФ (2006г.), народ-
ный поэт Татарстана,
член Совета по культуре и
искусству при Президенте
Российской Федерации

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Заместители главного
редактора
Лейсан Ситдикова
Ахат Мухамедов

Художник-дизайнер
компьютерной верстки
Асия Каримова

Компьютерный набор
Екатерина Жукова

Учредитель:
Некоммерческое партнерство содействия
развитию институтов гражданского общества
«Ватаным».
Газета зарегистрирована Министерством по
делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций РФ.

Мавзолей Ходжи
Ахмета Ясави, рас-
положенный на юге
Казахстана в городе
Туркестане, - удиви-
тельный комплекс
дворцов и храмов,
шедевр архитекту-
ры, построенный
в период с 1385 по
1405 годов. Мавзо-
лей Ходжи Ахмета
Ясави включён в
Список всемирного
наследия ЮНЕСКО.
Это грандиозное
сооружение было
воздвигнуто в честь
жившего в XII веке
известного на Вос-
токе древнетюрк-
ского поэта и про-
поведника суфизма
Ахмета Ясави.

Современный
мавзолей был по-
строен на месте
погребения Ход-
жи Ахмеда Ясави,
имевшего большой
авторитет среди мусульман
региона и оказавшего значительное
влияние на ислам в Средней Азии.
Он умер в 1166 (67) и был похоро-
нен с большой честью в малень-
ком мавзолее.

Ныне существующий мавзолей
был возведен спустя 233 года по-
сле его смерти по приказу Тамер-
лана. В 1395 году Тамерлан нанес
поражение хану Тохтамышу, пра-
вителью Золотой Орды и сжёг сто-
лицу орды Сарай-Берке. В честь
этой победы полководец решил
построить новый, грандиозный
мемориальный комплекс на месте
старого мавзолея Ходжи Ахмеда
Ясави, который к тому времени
стал очень ветхим. В этом реше-
нии Тамерлан руководствовался
как религиозными убеждениями,
так и политическими целями. Воз-
водя мавзолей на могиле уважае-
мого человека, он утверждал свою
власть и укреплял свой авторитет
среди кочевников степи.

Ещё в 1385 году по приказу Та-
мерлана на месте могилы Ясави
было заложен монастырь суфиев,
последователей Ясави, но завер-
шение строительства мечети пре-
кратилось сразу после его смерти
в 1405 году.

Позже после завоевания Тур-
кестана Бухарскими ханами вход-
ной портал был надстроен, а после
вхождения Туркестана в состав
Кокандского ханства на входном
портале были надстроены зубча-
тые бойницы.

При сооружении этого здания
персидские зодчие применяли
ряд новаторских архитектурных и
строительных решений, которые
были использованы при возведе-
нии Самарканда, столицы импе-
рии Тимуридов. Сегодня мавзолей
является одним из самых значи-
тельных и хорошо сохранившихся
сооружений той эпохи.

Мемориальный комплекс Аз-
рет-султан, помимо самого мав-
золея Ходжи Ахмеда Ясави, вклю-
чает в себя множество других
сооружений, построенных рядом
с ним в разные годы, а именно
средневековую баню (монша), ке-
лья (хильвет), где жил Ясави после
исполнения ему 63 лет, мавзолей
правнучки Тамерлана и дочери
астронома Улугбека Рабии — Сул-
тан Бегим, мавзолей казахского
хана Есима, шильдехана и другие
памятники старины, среди кото-
рых чудом сохранившийся под-
земный дом для размышлений

Кумшик-ата. В целом весь ком-
плекс объектов иногда именуется
как «историко-культурная резер-
вация».

Мавзолей Ясави состоит из
огромного, прямоугольного зда-
ния (46,5x65,5 метров) с портала-
ми и куполами. Высота арочного
портала 37,5 метра, высота глав-
ного купола 44 метра, диаметр
22 метра. Толщина внешних стен
— почти 2 метра, стены центр-
ального зала — 3 метра тол-
щиной. Здание имеет огромный
входной портал и множество
куполов. Вокруг центрального
зала расположено более чем 35
помещений. Дверь усыпальни-
цы украшена прекрасной резь-
бой по слоновой кости и дереву.

Мавзолей имеет один из са-
мых больших кирпичных куполов
в Центральной Азии. Купол для
мусульман был символом един-
ства и гостеприимства. Именно
поэтому было уделено особое
внимание размеру и внешности
купола.

Комплекс дворцов и храмов
является одним из самых боль-
ших, возведённых в эпоху Тимури-
дов. Над входом в здание хорошо
сохранилась надпись которая гла-
сит: «Это святое место сооружено
по велению властелина, любимого
Аллахом, Эмира Тимура ... — да
продлит Аллах его повеления на
века!»

Мавзолей Ходжи Ахмеда Яса-
ви состоит из восьми помещений
различного характера, которые
группируются вокруг центрально-
го, самого большого в комплексе
зала для тай казана: мавзолей, ме-
четь, большой и малый дворцовые
залы, библиотека и хозяйственный
комплекс, в который входят коло-
дезная, столовая, жилые и другие
помещения.

Казандык — парадное поме-
щение комплекса, квадратное
в плане со сторонами, равными
18,2 м, покрыто самым большим
из сохранившихся в Средней Азии
сфероконическим куполом с оди-
нарной оболочкой. По осям стен
помещения устроены высокие
стрельчатые ниши, декорирован-
ные сталактитами. Пропорции по-
мещения, его высота (39 м), бе-
лизна стен в тусклом освещении
создают атмосферу покоя, благо-
говения и торжественности.

Усыпальница Ходжи Ахмеда
Ясави — это квадратное (7,5x7,5)
купольное помещение, с неглубо-

кими, но широкими, в половину
длины каждой стены, арочными
нишами. В центре помещения
надгробие, облицованное бледно-
зелёным орнаментом. Паломники,
как правило, сюда не допускались.
Они совершали молитву у входа в
усыпальницу.

Малая мечеть (место для мо-
литв) — одно из самых интересных
помещений комплекса по кон-
струкции и декору. Крестообраз-
ное в плане, оно увенчано совер-
шенно необыкновенным куполом,
будто вырезанным из перламутра
и установленным на сравнительно
высоком барабане, в котором
имеются световые проемы.

Дворцы, большой и малый,
представляют собой двусветные
залы. В XVI—XVIII веках, когда в го-
роде Туркестане находилась рези-
денция казахских ханов Старшего
и Среднего жузов, они использо-
вались как дворцовые помещения.
Малый дворец — помещение,
где на протяжении 600 лет хорони-
ли самых уважаемых людей. Всего
здесь 43 надгробных камня. Самое
старое захоронение 1431 года, са-
мое последнее — 1917 года.

Большой дворец — это уни-
кальное дворцовое помещение
первоначально предназначалось
для сбора дровишек, собраний
религиозных общин. В зале прово-
дились дипломатические приёмы,
военные переговоры, собрания
феодалов знати. Здесь находят-
ся ханское кресло и скипетр.

На входе в помещение большо-
го дворца можно увидеть надгроб-
ный камень известного казахского
правителя Абылай хана, умершего
в 1781 году.

Библиотека примыкает к глав-
ному залу с запада, как бы урав-
новешивая в плане примыкающий
с востока малый дворец. В этом
зале размещалась библиотека
древних рукописных книг, печат-
ных изданий. Также здесь перепи-
сывались книги и велось делопро-
изводство.

Столовая. Название зала свя-
зано с приготовлением особого
ритуального кушанья для палом-
ников. Тут сохранились старинные
печи, котёл, деревянная посуда.

Колодезная — помещение с ко-
лодцем, который, по одной версии
был вырыт во время строитель-
ства комплекса, чтобы обеспечить
строителей водой; по другой вер-
сии — во время сопротивления
городского населения джунгарам,

вторгшимся в пределы
Казахского ханства в XVIII
в. Воду из этого колодца
считают священной.

Одной из главных до-
стопримечательностей
этого мавзолея является
тай казан — самая боль-
шая по всему восточ-
ному мусульманскому
миру чаша для воды. Она
была, по преданиям, от-
лита из сплава семи ме-
таллов в селе Карнак, в
25 километрах от города
Туркестана. Поверхность
тай казана украшена
тремя поясами рельеф-
ных надписей на фоне
растительного орна-
мента. Год изготовления
казана — 1399 и имя ма-
стера — Абдульгазиз ибн
Шарафутдин из Тебриза.
Ручки котла имеют вид
цветков лотоса и чере-
дуются с круглыми вы-
ступами. С 1934 года эта
чаша экспонировалась в
Ленинграде в Государ-
ственном Эрмитаже. В 1988 году
усилиями казахстанского пра-
вительства тай казан был возвращен
в мавзолей.

В помещении «казандык» уста-
новлены светильники, некоторые
из них до сих пор хранятся здесь,
а два из них хранятся в Лувре и Эр-
митаже. Среди них наибольшую
художественную ценность пред-
ставляет монументальный брон-
зовый светильник — также дар
Тимура. Он украшен растительной
орнаментацией, гравированными
надписями и инкрустацией сере-
бром и золотом. Надписи сооб-
щают имя мастера — Изуддин ибн
Таджундин и год изготовления —
1397.

Как говорится в легенде, по
распоряжению Тамерлана над
могилой Ходжа Ахмеда Ясави на-
чалось строительство мечети
(1338—1405). Все попытки возве-
сти стены терпели неудачу, силь-
ная буря сносила их, по другой
версии появление зелёного быка,
который все разрушал. Явивший-
ся во сне Тимур святой сказал,
что сначала нужно построить мав-
золей над могилой святого Ары-
стан-Баба, а затем над могилой
Ходжи Ахмеда Ясави. Тимур так и
сделал. Поэтому паломники пер-
вым посещают мавзолей Арыстан-
Баба, а потом мавзолей Ходжи Ах-
меда Ясави.

Предания называют Арыстан-
Баба учителем и духовным на-
ставником Ходжи Ахмеда Ясави.
Именно Арыстан-Баб, умирая,
передал Ясави аманат, заключа-
ющийся в косточке хурмы. По legen-
де, Арыстан-Баб был сподвижни-
ком (Сахаба) пророка Мухаммада.
Однажды пророк Мухаммад и его
сподвижники сидели и ели хурму.
Один из плодов все время выпа-
дал из блюда, и пророк услышал
откровение: «Эта хурма предна-
значена для мусульманина Ахме-
да, который родится на 400 лет
позже Вас». Пророк спросил у
своих сподвижников, кто передаст
эту хурму будущему хозяину. Ни-
кто не вызвался. Пророк повторил
свой вопрос, и тогда Арыстан-Баб
ответил: «Если Вы у Аллаха выпро-
сите 400 лет жизни, то я передам
хурму».

Согласно народным преда-
нием и письменным источникам,
именно Арыстан-Баб через 400
лет стал наставником Ходжи Ахме-
да Ясави и действительно передал
ему косточку хурмы.

Свидетельство о регистрации СМИ
П/И № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

При реализации проекта используются средства
государственной поддержки (грант) в соответствии с
Распоряжением Президента Российской Федерации
от 17.01.2014 г. № 11-рп и на основании конкурса,
проведенного Региональной общественной организацией
«Институт проблем гражданского общества».

Адрес редакции:

115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки
и распространения).

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать
03. 02. 2016.

Отпечатано в типографии
«ООО Медиа-форум».

Тираж 15 000 экз.